ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

ВЫСШАЯ ЛИГА ДЕТЕКТИВА

СОСРЕДОТОЧЬСЯ. НЕ ТЕРЯЙ РАССУДОК.
ВОКРУГ ТЕБЯ ОБМАН.
И ЧУЖАЯ КРОВЬ, ЕЕ ТАК МНОГО...

ИСТОЧНИК ЛЖИ

AMAZON CHARTS BESTSELLING AUTHOR

18+

Высшая лига детектива

Лорет Энн Уайт

Источник лжи

«Эксмо»
2020

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

Уайт Л.

Источник лжи / Л. Уайт — «Эксмо», 2020 — (Высшая лига детектива)

ISBN 978-5-04-118219-9

Встреча с Мартином – лучшее, что случалось с Элли. Он помог ей забыть о кошмарном прошлом – во всяком случае, так ей поначалу казалось. Но за закрытыми дверями их чудесного нового дома вскоре происходят страшные вещи, венцом которых становится… убийство. Отныне Элли втянута в жестокую психологическую игру. Она – жертва, но никто этого не видит. Никто, кроме констебля Лоццы Бьянки, знающей кое-что о манипуляциях и неизменно доверяющей своей интуиции.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-118219-9

© Уайт Л., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Суд по делу об убийстве 6
Раньше 10
Суд по делу об убийстве 15
Раньше 19
Раньше 21
Раньше 28
Раньше 32
Раньше 38
Раньше 41
Раньше 44
Раньше 46
Раньше 48
Суд по делу об убийстве 51
Раньше 53
Раньше 57
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Лорет Энн Уайт
Источник лжи

Loreth Anne White
In the Deep
Copyright © 2020 by Cheakamus House Publishing
© Савельев К., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Джею, Мелани и их райскому уголку, вдохновившему меня на создание этой книги.

Суд по делу об убийстве

«Я убежден в вашей убежденности в том, что вы видели. Но то, что вы видели – не то, что вы думаете».
Гарри Гудини

Февраль, наше время.

Верховный суд Нового Южного Уэльса

Я вижу толпу, как только седан, взятый напрокат моими юристами, поворачивает на улицу. Наэлектризованная видом нашего черного «ауди», толпа подается вперед. Полиция с трудом сдерживает подстрекателей. Я вижу распахнутые орущие рты. Камеры, репортеры, микрофоны. Красные разгоряченные лица под летним солнцем Сиднея. Но я их не слышу. В кондиционированном салоне прохладно и тихо, но по мере нашего приближения к зданию суда я различаю текст на плакатах, которыми они машут перед нами. Передо мной.

Убийца!
Требуем правосудия ради Мартина!
За решетку ее!

Я чувствую себя Алисой, проскользнувшей в Зазеркалье. *Отрубить ей голову…* Этого не может быть. Это не реально. Я вцепляюсь пальцами в бедра, устрашенная дикой жестокостью, выпущенной на волю моим судебным процессом. Я пытаюсь сохранять бесстрастное выражение лица, в соответствии с инструкциями юристов. Но какой-то мужчина прорывается вперед и прижимает первую полосу утренней «Сити Геральд» к окошку рядом с моей головой. Я рефлекторно вздрагиваю. Мое сердце бьется быстрее при виде черных букв, грозными рядами выстроившихся в заголовке.

Крессуэлл-Смит обвиняется в убийстве мужа!
Начинается судебный процесс!

Под заголовком находится моя фотография.

Рядом с ней расположен снимок Мартина. Художник-оформитель изобразил зигзагообразный разрез между нашими лицами, словно разрыв страницы, символизирующий смертоносную трещину между нами. У меня саднит глаза, в глубине тела зарождается дрожь. На снимке он выглядит таким энергичным… Таким живым. Когда-то я любила его, любила всем сердцем.

Женщина-полицейский в голубой рубашке с короткими рукавами и пуленепробиваемом жилете, с раскрасневшимся лицом под форменной фуражкой отрывает мужчину от автомобиля. Я ощущаю первые проблески настоящей паники.

Наш водитель замедляет ход. Полицейские в бронежилетах изо всех сил отталкивают сгрудившихся зевак, пока другие расставляют дорожные конусы, чтобы мы могли припарковаться. Люди выстроились по обе стороны лестницы до самого входа в Верховный суд. Наверху ожидает еще одна группа репортеров с микрофонами. Одна из них выделяется среди остальных – женщина в кроваво-красном жакете. Она очень высокая, и ее выбеленные светлые волосы блестят под лучами февральского солнца. Мелоди Уоттс; я знаю ее по ежевечерним выпускам сиднейских новостей. Стайка какаду взлетает в небо за ее спиной, белые и желтые вспышки мечутся между зданиями, устремляясь в ярко-синее далёко. *Это знамение,* думаю я. Потому

что я не могу отправиться в тюрьму. Я *буду* свободной. Такой же, как эти птицы, которые порхают снаружи, исчезая в солнечном сиянии. Мои адвокаты полностью готовы. Они убедят присяжных в достаточности оснований для сомнения. Они лучшие в своем деле, и цена их услуг служит тому доказательством. Мы победим.

Я жертва.

Я хрупкая.

Я не убийца.

Это личность, которую я должна проецировать на других. Я должна убедить жюри присяжных из двенадцати человек, что я именно такая. Мне нужно дать величайшее представление в моей жизни.

Да, это будет представление. Потому что все эти люди жаждут именно представления. Театрального действа. Все находятся здесь ради непристойного спектакля под названием «Слушания Верховного суда по делу об убийстве с международными последствиями». А я – звезда представления. Я – очевидная нарушительница естественного порядка вещей, а когда естественный порядок нарушен, это потрясает человеческую душу. Теперь все хотят поглазеть на меня. Автомобильная авария. Невероятный случай. Воплощение зла. Они хотят, чтобы меня покарали и крепко заперли, чтобы они спокойно могли укладывать детей в постель по вечерам и делать вид, что это нормально. Они хотят лично убедиться в том, как я выгляжу, – на тот случай, если в будущем они заметят на улице кого-то похожего на меня, то перебегут на другую сторону, прежде чем чудовище успеет приблизиться к ним и заразить их, обольстить и зачаровать их.

Я смотрю на моего барристера[1] Питера Лоррингтона, который сидит рядом в своей царственной черной мантии с белоснежной манишкой. Его судебный парик лежит на колене. Он вставил миниатюрные наушники и смотрит прямую трансляцию новостей в своем телефоне. Я воспроизвожу в памяти его недавние слова.

«Убийство состоит из двух элементов: намерения обвиняемого и самого действия. Обвинение должно доказать присяжным наличие обоих элементов – то есть вашего намерения убить Мартина и ваших действий, направленных на его убийство. У обвинения отсутствует ключевой элемент этого уравнения. И помните: в суде присяжных может случиться все что угодно. Абсолютно все. В конечном счете нам нужно продемонстрировать обоснованную необходимость для сомнения. Мы можем это сделать».

Стратегия Лоррингтона состоит в том, чтобы перечеркнуть полицейское расследование и одновременно ознакомить суд с альтернативным вариантом развития событий, совпадающим с данными криминалистической экспертизы. С историей, где я не убивала Мартина. С историей, где полицейские крупно напортачили. Это будет его версия против версии прокурора. Собственно, это и есть суд присяжных: битва между двумя вариантами событий. Битва за чувства и сердца присяжных заседателей. По словам Лоррингтона, в конце концов решение суда присяжных больше опирается на эмоции, чем на логику.

Я жертва. Меня подставили. Я не убийца.

Дыши глубже. Войди в роль.

Жертва.

Я провожу влажными ладонями по светло-коричневой льняной юбке. Нейтральный оттенок, как и мои туфли-лодочки телесного цвета. На мне простая белая блузка – цвет невинности. Я поправляю красивые очки в роговой оправе, свидетельствующие о *трудолюбии*. Мои волосы коротко подстрижены, на ногтях нет лака. Меня можно принять за учительницу. Я могу быть вашей сестрой или вашей матерью. Вашей подругой. *Я могла бы оказаться вами*. Скромная.

[1] Барристер – адвокат, имеющий право выступать в высших судебных инстанциях (прим. пер.).

Сдержанная. Мягкая. Чувствительная. Потерпевшая. Да что там потерпевшая – по сути дела, оклеветанная.

Я часто и хорошо играла эту роль на протяжении моей жизни. Я могу сделать это снова. Я искусна в смене личин. Фактически я училась у одного из лучших экспертов. У моего мужа, покойного Крессуэлл-Смита.

Автомобиль останавливается. Мое сердце мерно стучит в грудной клетке.

Лоррингтон вынимает наушники и усиливает звук на телефоне, чтобы я могла слышать. Это Мелоди Уоттс, которая стоит снаружи, на вершине лестницы. Она говорит с резким австралийским акцентом.

– … обвиняемая только что прибыла вместе с ее барристером и солиситором[2].

Камера меняет угол съемки, и мы внезапно смотрим сверху на наш автомобиль. Это сюрреалистический эффект.

– Миссис Крессуэлл-Смит была выпущена под залог после обвинения, предъявленного более года назад, – говорит Мелоди Уоттс. – Сумма залога составила пять миллионов. В то время магистрат[3] Роберт Линдси постановил, что доводы Короны против обвиняемой являются обоснованными, но в итоге решил, что доводы обвинения перевешиваются рядом факторов, включая необходимость миссис Крессуэлл-Смит в подготовке к суду вместе с группой ее защитников, плюс отсутствие криминального прошлого во время ее проживания в Новом Южном Уэльсе. Он сказал… – Мелоди Уоттс проверяет цитату в своей записной книжке, – он сказал, что, хотя обвинение в убийстве принадлежит к числу наиболее тяжких, отказ от освобождения под залог не должен рассматриваться как наказание, так как в постановлении об освобождении до суда упоминается о презумпции невиновности.

Она смотрит в камеру, и солнце озаряет ее белоснежные зубы.

– Было сочтено, что миссис Крессуэлл-Смит не является угрозой для общества, и она добровольно сдала свой паспорт.

Лоррингтон надевает свой парик и поправляет мантию. У меня во рту вдруг становится сухо, как в пустыне.

Мы выходим из автомобиля.

Влажная жара ощущается как удар об стенку. Все вокруг взрывается звуками: толпа толкается, болтает, выкрикивает оскорбления и насмешки. Люди тянут руки с мобильными телефонами, делают снимки и видеозаписи. Репортерские камеры целятся в нас огромными телеобъективами. Мой барристер аккуратно прикасается к моему локтю и сопровождает меня на лестнице; полы черной мантии развеваются за его спиной. Журналисты рвутся вперед, выставляя микрофоны. Они жаждут крови. Кровь поднимает рейтинги в эпоху умирающих средств массовой информации, поэтому их отчаяние выглядит особенно безобразным.

– Миссис Крессуэлл-Смит, вы убили вашего мужа?

– Вы сделали это? Вы убили Мартина?

Палящая вспышка воспоминаний ослепляет меня, и я едва не спотыкаюсь. *Кровь. Это кровь Мартина. Рыбный нож… ярость в глазах Мартина. Горькая желчь предательства у меня в горле.*

– Как давно вы собирались убить его?

Гнев надувается во мне, как шар, наполняемый горячим газом. Пульс стучит в висках. Дикая ненависть к Мартину сокрушает мои тщательно выстроенные эмоциональные барьеры. Я сжимаю кулаки, поднимаясь по лестнице с эскортом юристов в черных мантиях.

– Невиновна, пока не доказано обратное! – кричит какая-то крупная женщина.

---

[2] Солиситор – адвокат, дающий советы клиенту и подготавливающий дела и материалы для барристера. Солиситор не имеет права выступать в суде высшей инстанции (прим. пер.).

[3] Магистрат – судья низшей инстанции, санкционирующий аресты, обыски и решения о привлечении гражданских лиц к уголовной ответственности (прим. пер.).

– Сука! *Сучья черная вдова*!

Бешенство прорывается наружу, разбивая внешний фасад на тысячу сверкающих осколков. Меня наполняет первозданная ярость, желание причинить физический вред. Я разворачиваюсь и разеваю рот для гневного ответа.

Фотокамера щелкает мне в лицо.

Сволочь.

Адвокат хватает меня за руку.

– Не вступайте в пререкания, – шипит он мне на ухо. – Не смотрите на камеры. Не улыбайтесь и ничего не говорите.

Но дело уже сделано. Фотограф, выкрикнувший мерзкие слова, подцепил меня на крючок. Он запечатлел мое искаженное гневом лицо, ярость в моих глазах.

Меня трясет от выброса адреналина. Пот щиплет верхнюю губу, подмышки взмокли.

– Требуем правосудия ради Мартина! Правосудия ради семьи Крессуэлл-Смит!

А потом я вдруг вижу их у двери. Родителей Мартина. Его сестра стоит с одной стороны от них, брат с другой. Шок пронзает меня, когда я встречаюсь со взглядом его брата. Генетическое сходство поразительно. Кажется, будто там стоит Мартин и смотрит на меня сверху вниз от дверей суда, оценивая и увещевая меня из могилы. Через несколько лет Майкл выглядел бы точно так же, как и его брат, если бы… *если бы тот остался жив*. Эта мысль болезненной пустотой гложет мой желудок.

Как это могло случиться?

Когда это началось?

Началось ли это с нашего переезда в Джервис-Бэй, когда зацвели пятнистые эвкалипты и появились летучие лисицы?

Нет, это началось еще раньше…

«Внимательно смотри на ракушки, Элли, – говорю я про себя, транслируя голос моего отца, проясняя сознание. – *Потому что жизнь – это игра в скорлупки*[4]*, а в этой игре выигрывает только банкующий. Ты либо банкуешь, либо проигрываешь»*.

Я собираюсь сдавать карты в этом мошенническом трюке. Передо мной находится внушительное здание, где вращаются шестерни правосудия. Я представляю лица присяжных, сидящих напротив меня.

Вы позволите мне выйти отсюда, потому что я собираюсь продать вам мою историю. Просто наблюдайте за мной.

[4] Игра слов. «Игра в скорлупки» равнозначна нашей «игре в наперстки» и является синонимом мошенничества (прим. пер.).

Раньше
Лоцца

18 ноября, более одного года назад.

Агнес-Бэзин, Новый Южный Уэльс

Полицейский катер Джервис-Бэй вырезал ровный V-образный кильватерный след в темной воде реки Агнес. Старший констебль Лорел «Лоцца» Бьянки стояла на правом борту вместе с констеблем Грегом Эбботом и смотрела на глубокие тени среди мангровых зарослей вдоль северного берега. На катере их было четверо. Констебль Мак Макгонигл управлял судном, руководствуясь указаниями старого краболова Барни Джексона, который обнаружил тело и позвонил в полицию.

Ранний вечер тяжело давил на людей влажной духотой. Вкус воздуха на губах Лоццы казался прогорклым. Вокруг стояла зловещая тишина, не считая рокота мотора, а иногда тихого чавканья, когда нос катера расчленял одну из крупных медуз, плывущих к морю в приливно-отливном течении. Медузы были размером с волейбольный мяч и тащили за собой бахромчатые щупальца, усеянные ядовитыми жалами.

Мелкие солоноводные каналы, подпитывавшие приливную реку, изгибались, как ходы лабиринта, уходя в дебри мангровых низменностей. Лоцца знала, что илистое дно этих каналов кишит крупными крабами, чьи панцири разрастались до размеров человеческой головы. Всеядные каннибалы, эти илистые крабы были агрессивными падальщиками с мощными клешнями, способными разламывать раковины и отрезать пальцы. Что бы ни ожидало их в глубокой и влажной тени речного эстуария, крабы должны были добраться до него.

Они миновали старую накренившуюся пристань. На гниющих сваях, торчавших из воды, сидели бакланы, помахивавшие черными крыльями, чтобы обсушить их, и наблюдавшие за полицейским катером.

В отдалении пророкотал гром. Грег поднял голову.

– Думаешь, будет шторм? – спросил он.

Лоцца проследила за его взглядом. Два орлана-крикуна кружили высоко над кронами эвкалиптов на фоне слоистых облаков, наливавшихся киноварью и оранжевой сурьмой там, где солнце скользило к линии горизонта.

– Черт его знает, – тихо сказала она. – Но скоро начнет темнеть. Неплохо бы увидеть этого плавунца, пока еще хватает света.

– Проклятые летучие лисицы появятся, как только солнце опустится за деревья, – сказал Грег. – По крайней мере, здесь они не такие докучливые, как к югу от Джервиса.

Как будто привлеченная словами ее партнера, целая колония огромных крыланов вырвалась из-под эвкалиптового полога и зароилась в небе под какофонию визгливых криков. Почти одновременно с этим раздались хриплые крики какаду и древесных попугаев. Земля как будто выдохнула и сдвинулась в сторону; дух реки изменился.

– Ненавижу их, – проворчал Грег, щурясь на роившихся крыланов. – Они целыми ночами дерутся среди эвкалиптов под окном моей спальни. Словно проклятые ведьмы, визжащие на шабаше. И они воняют.

Все были на нервах из-за таинственной массовой миграции огромных летучих лисиц, недавно нагрянувших в регион. Они начали прибывать целыми роями после внезапного цве-

тения одной из разновидностей пятнистого эвкалипта. Потом все больше и больше гигантских крыланов пролетало над автострадой, словно знамение судьбы, – до тех пор, пока едва ли не каждое здание, дерево, скала и автомобиль в городе не были покрыты ими.

– Словно в фильме Хичкока, – сказала Лоцца.

Где-то захохотала кукабарра.

Катер закачался, когда Мак направил судно в неспокойные воды Агнес-Бэзин. Водоем был огромным – почти сорок квадратных километров – и кишел огромными медузами, отчего поверхность воды казалась пузыристой.

– Еще полкилометра вдоль восточной стороны этой лужи, вон туда, – сказал Барни, указывавший путь шкиперу. Его голос был хриплым и прерывистым. – Потом свернуть в узкий, глубокий канал, вон там, видите?

Лицо Барни казалось обескровленным под сеточкой красных вен. Оно было покрыто тонкой пленкой пота, и он часто утирал лоб рукавом. Лоцца заметила, что его руки дрожали. Возможно, Барни нуждался в выпивке, а может быть, он был просто пьян. Или и то и другое.

Барни отправился проверять свои «контрабандные» ловушки для крабов. Вместо этого он нашел тело светловолосого мужчины, запутавшееся под водой в одной из его веревочных конструкций.

– Вот он, канал, – Барни указал на темную брешь среди мангровых зарослей. – Нам туда.

Мак сбавил обороты и осторожно направил судно в канал. Вода плескалась и журчала вокруг носа и бортов. Жара стала еще более влажной. Ветви цеплялись за поручни и скребли по корпусу. Мак сбросил ход почти до нуля. По мере их продвижения вперед становилось все жарче и темнее. Облака комаров звенели над водой, и крошечные жучки запутывались в оранжевых завитках волос вокруг лица Лоццы, несмотря на ее усилия собрать волосы в аккуратный узел.

Мак включил носовой прожектор, и зловещие силуэты вокруг как будто надвинулись на них. Из болота сочилось ощущение чуждого присутствия, – чего-то скрытого, поджидавшего удобного момента, чтобы перейти в атаку. Над водой поднимались зловонные испарения.

– Думаешь, это он… Крессуэлл-Смит? – спросил Грег.

– Было бы странно, – ответила она.

– Точно, – сказал он. – Потому что если он упал за борт в море где-то в десяти километрах отсюда, как его могло занести сюда? Чушь какая-то.

Лоцца мельком взглянула на констебля-новобранца, только что зачисленного в их ряды после испытательного срока. Он слишком много говорил, особенно когда нервничал. Это чрезвычайно раздражало Лоццу. Она считала, что работа по умолчанию должна быть тихой. При этом она сознавала, что ее раздражение отчасти вызвано приятной внешностью Грега, и она испытывала тайное влечение к серферу, который решил стать полицейским. Он пришел в правоохранительные органы позже, чем большинство остальных. В свободное время он по-прежнему вел занятия в своей школе серфинга и помог дочери Лоцци усвоить основные навыки. Но мужчины приятной наружности не слишком обращали внимание на Лоццу, и это ожесточало ее по отношению к ним.

Прогремел гром, и вспыхнула молния, внезапно превратившая окрестности в черно-белый стоп-кадр. Редкие капли дождя падали в воду. Лоцца мысленно вернулась к тому дню, когда она познакомилась с Мартином Крессуэлл-Смитом на пляже. Именно ей придется сообщить Элли о находке, если окажется, что в крабовую ловушку Барни попалось тело ее мужа. Она вспомнила слова Элли во время их предыдущего разговора.

«Надеюсь, вы *не* найдете его. Но если найдете, то надеюсь, что он мертв и что перед смертью он страдал».

– Там! – внезапно указал Барни. – Я привязал одну из ловушек к корням вон за тем причалом.

Мак выключил двигатель, и они поплыли вместе с течением, прислушиваясь к плеску волн, пока они двигались в сторону причала. Трещал гром, и небо озарялось серебристыми вспышками. Стало почти темно; солнце скрылось за горизонтом, а в небе клубились грозовые облака.

Лоцца отстегнула фонарик от служебного разгрузочного пояса и направила луч света на причал. Она увидела, что Барни привязал обтрепанные веревки к мангровым корням. Сам по себе причал был новым. Его построили как часть скандального проекта «Речного вокзала Агнес», который продвигали Мартин Крессуэлл-Смит и его жена Элли. Барни объяснил Лоцце, что он воспользовался старыми потрепанными веревками над водой как прикрытием для нелегальных ловушек, расположенных внизу. Но под водой концы старых веревок были привязаны к ярко-оранжевым полипропиленовым шнурам, которые вели к ловушкам. Сегодня утром, когда Барни приплыл проверить свои ловушки, он стал вытягивать веревки, но одна из них застряла. Вместо того чтобы перерезать веревку и потерять ловушку с добрым уловом, он решил вернуться с сыном своего приятеля и распутать веревки. Подросток нырнул в ластах и маске и проплыл до конца оранжевого полипропиленового шнура. Там, в мутной воде, он лицом к лицу столкнулся с покойником, запутавшимся в веревке.

Охваченный ужасом, паренек устремился к поверхности и долго хватал ртом воздух. Барни сказал ему, что они не могут оставить «это» внизу, поэтому бедняге пришлось собраться с силами и нырнуть снова. Он перерезал веревку, и тело тут же всплыло на поверхность, словно воздушный шарик. Его отбуксировали к мангровым корням в дальнем конце причала.

– Оно лежит среди корней, – сказал Барни. – Потом мы выплыли на открытую воду, где лучше ловится сигнал мобильной связи. Тогда я и позвонил вам.

Мак направил полицейский катер вдоль причала, направляя его так, чтобы прожектор освещал мелководную бухту. Они почти сразу же увидели проблески молочно-белой кожи. Рубашка хаки, соломенно-желтые волосы. Штанов не было. Белые ягодицы были похожи на полумесяцы над кромкой воды. Труп покачивался среди тростника под легким напором течения, упираясь в массу спутанных корней.

Барни быстро перекрестился.

– Причаливаем, – обратилась Лоцца к Маку. – Мы с Грегом проложим путь от конца причала к другой стороне этой бухточки.

Майкл ненадолго включил двигатель; катер скользнул вперед и с легким толчком пришвартовался к причалу. Тени удлинились. Вода вокруг причальных свай и корней издавала чавкающие звуки. Наверху снова прогремел гром и сверкнула молния. Пошел моросящий дождь, испещривший темную воду; капельки казались серебряными в прожекторном луче.

Лоцца и Грег выбрались на причал. Оба пользовались фонариками, освещая путь от края причала к болотному лесу. Лоцца расправила телескопическую дубинку, прорубая дорогу через путаницу мокрой травы и тростника. Здесь водились змеи, и она надеялась, что быстрые движения отпугнут их. Грег держался рядом, за ее спиной. Он ругался и шлепал себя по щекам, спасаясь от комаров; похоже, они предпочитали пить его кровь.

Это принесло Лоцце моментальное удовлетворение. Не только женщины увивались вокруг этого юного Адониса.

Они приблизились к трупу, и Лоцца задержала дыхание. Тело определенно было мужским. Он лежал ничком, раскинув руки в илистой воде. Рубашка хаки была очень похожа на ту, которую носил Мартин Крессуэлл-Смит, когда отправился на рыбалку четыре дня назад. Густые светлые волосы тоже совпадали с описанием. Размеры и общая форма тела были подходящими. При жизни он был убийственным красавцем – закаленным божеством регби и парусного спорта с бронзовым загаром и соответствующей удалью и обаянием, когда ему хотелось продемонстрировать эти качества. Но Лоцца уже тогда заметила нечто темное и зловещее под этим лощеным фасадом.

Она опустилась на корточки у самого берега и осмотрела место, стараясь не соскользнуть в воду и ни к чему не прикасаться. Она хорошо знала процедуру. Она несколько лет прослужила в убойном отделе Нового Южного Уэльса, прежде чем ее перевели на Южный Берег, где она занялась регулярной службой. Она до сих пор сохраняла статус детектива, хотя ее и не называли «детективом», потому что она больше не являлась полноценным следователем.

Пока Лоцца медленно проводила по телу лучом фонарика, небо озарилось еще одной вспышкой молнии.

– Думаешь, это он? – спросил Грег.

Лоцца определенно так думала. Но Грег был прав: это какая-то бессмыслица. Люди видели, как яхта Мартина Крессуэлл-Смита покинула слип на Бонни-Ривер, находившийся в получасе езды вдоль побережья. Он связался со спасателями из яхт-клуба и сообщил, что собирается выйти в море на юго-восток. Если там произошел несчастный случай, его тело никаким мыслимым способом не могло унести на север к устью Агнес-Ривер, а тем более загнать в узкий канал через Агнес-Бэзин.

– Но если это он, то где его яхта? – продолжал Грег. – Где «Абракадабра»?

– Грег, помолчи немного. Пожалуйста.

Он шлепнул очередного комара. Над трупом жужжали мухи. Лоцца посветила на левую руку мужчины. На его безымянном пальце имелось свадебное кольцо с красным камнем, которое она уже видела на руке Мартина. Но на запястье трупа не было часов «Ролекс». Мартин Крессуэлл-Смит пропал вместе с очень дорогими часами «Ролекс-Дейтона» бронзового цвета.

Грег попытался убить еще одного комара. Из-за резкого движения свет его фонарика заметался среди мангровых зарослей. Что-то черное вырвалось из темноты. Грег увернулся от потревоженного баклана, но при этом его нога поехала в сторону. Он поскользнулся и упал в воду с громким всплеском. Грязно выругался и полез наверх, по пути зацепив труп, перевернувшийся на спину.

Грег застыл.

Лоцца замерла на месте.

На них смотрели пустые глазницы. Губы и нос трупа были объедены, мягкие паховые ткани исчезли, поглощенные извивающейся массой морских гнид. Но внимание Лоццы привлекло нечто иное.

Крюк серебряного багра ручной работы был глубоко погружен в грудь покойника. На рукояти черными буквами было выгравировано слово «Абракадабра». Колотые раны от ножа покрывали торс мужчины в разрывах рубашки. Ему нанесли не менее пятнадцати ударов колющим оружием. Лоцца подалась вперед, направляя луч фонарика. Темная странгуляционная борозда[5] окружала распухшую шею мужчины. Такие же отметины остались и на его запястьях. Его голые лодыжки были связаны веревкой.

Сердце Лоццы билось медленно и ровно. Ее взгляд переместился вдоль правой руки мужчины. Трех пальцев не хватало: они были ровно отсечены по фалангам. Илистые крабы работают более топорно.

Грег с чавканьем и хлюпаньем выбрался на берег. Он зашел на два шага в траву, уперся руками в колени и сблевнул.

Лоцца вернулась к веревке вокруг лодыжек покойника. Полипропиленовый шнур, ярко-желтый и голубой. Это не Барни. Если бы Лоцца была азартной женщиной, она бы поставила на то, что остаток этого шнура был использован для того, чтобы прикрепить жертву к тяжелому предмету под водой, где крабы, рыбы и другие мангровые твари очистили бы тело до костей уже через несколько дней. А потом расчлененные кости погрузились бы глубоко в мягкий ил. Тело исчезло бы бесследно, если бы не крабовая ловушка Барни и перепутанные веревки.

---

[5] Странгуляционная борозда (юр.) – след удушения (прим. пер.).

Мысли Лоццы вернулись к Элли, к внезапному провалу в ее памяти и к ее странному поведению. В желудке шевельнулось тошнотворное ощущение. Она играла с ними? Она до сих пор разыгрывает их? Это чертов спектакль?

Лоцца потянулась за телефоном. Хотя они с Грегом были первыми, кто отреагировал на ситуацию, таким делом должна была заняться уголовная полиция штата.

Теперь Элли Крессуэлл-Смит стала главной подозреваемой.

Суд по делу об убийстве

Февраль, наше время.

Верховный суд Нового Южного Уэльса

Я сосредоточенно смотрю на свои руки, сложенные на коленях, когда государственный прокурор Молли Коникова поднимается со своего места. Барристер кладет ее папку на пюпитр со стороны обвинения. Молли Коникова – крошечная женщина, похожая на птичку, утопающую в шелковой мантии, обернутой вокруг нее как слишком большие черные крылья. Тонкие губы, клювовидный нос, костлявые, беспокойные пальцы. Ее мышиные волосы тусклыми прядями спадают до подбородка под седым париком. Меня охватывает радостное оживление: это карикатурный персонаж, воплощение слабости и неумения. Конечно же, двенадцать разумных на вид людей в жюри присяжных отнесутся к словам моего барристера гораздо более серьезно, чем к этой мелкой вороне! Мой барристер высокий, белокожий, с волной густых темных волос, в хорошей физической форме, а его судебная мантия выглядит элегантно, а не зловеще. Человек, излучающий ощущение спокойного и проницательного ума; человек, который способен читать мысли присяжных и может сыграть на доверии, потому что он тоже немножко волшебник.

Коникова разглядывает меня. Ее взгляд спокойный, прямой и твердый. Может быть, я недооценила ее? Нет, не думаю. Она выжидает еще секунду-другую, потом смотрит на присяжных: семерых мужчин и пятерых женщин. В среднем мужчины старше. Полагаю, мои шансы во многом зависят от них, поскольку женщины наиболее жестко критикуют друг друга, – наверное, потому, что женские недостатки, которые мы так любим замечать, являются теми изъянами, которые мы не хотим признавать в самих себе. Критические выпады в адрес других женщин – это способ обличения тех качеств, которые мы больше всего недолюбливаем в своей личности.

Тишина в зале становится давящей, напряжение растет. Воздух слишком теплый, свет кажется неестественным. Тревога цветком распускается в моей груди, и я быстро кошусь на запертую дверь. Пребывание в замкнутом помещении всегда плохо влияло на меня. Внезапная мысль о долгих годах заключения – от двадцати лет до пожизненного – наполняет меня таким необыкновенным ужасом, что я ощущаю его, как комок желчи, подступающий к горлу. Я облизываю губу и сосредоточиваюсь на том, чтобы держать руки неподвижно. Как меня учили, я направляю носки туфель на скамью присяжных. По словам адвокатов, это поддерживает меня в наиболее выгодном положении.

Коникова начинает обращение к суду, и ее голос поражает меня. Он совершенно не соответствует ее внешности: полнозвучный, хотя и усиленный микрофоном. Уверенный, но дружелюбный. Мое сердце бьется быстрее.

Мне говорили, что голос – это один из ключевых элементов адвокатуры. Адвокат с плохо поставленным голосом не производит должного впечатления на судью и присяжных и постоянно находится в невыгодном положении. В конце концов, это театр. Все барристеры являются хорошими актерами и превосходными рассказчиками, и далеко не у каждого солиситора есть качества, необходимые для адвоката. Моя тревога растет. Похоже, я действительно недооценила прокурора. Я прослушала часть речи.

– …и в ходе этого судебного процесса, – говорила она, – мы увидим шокирующий портрет женщины, настолько ожесточившейся от ревности, возмущенной предательством и преисполненной ненависти к мужу, что она искусно и последовательно спланировала высший акт возмездия – убийство.

Коникова делает паузу. Единственным звуком остается скрип грифельного мелка, которым пользуется судебный художник.

– Нужно признать, что ее жертва, Мартин Крессуэлл-Смит, сам был далеко не ангелом, – продолжает Коникова. – Судя по отзывам, он был социопатом, который вымещал на своей жене худшие стороны своего характера, но и она тоже вымещала на нем все худшее в себе. Взаимоотношения мистера и миссис Крессуэлл-Смит развивались по порочной спирали; это была изощренная борьба до самого конца. До смерти, – еще одна пауза. Художник поднимает голову, окидывает меня взглядом и возвращается к работе. Мне интересно, кого – или что – она видит.

Я жертва. Я скромная. Несправедливо обиженная.

– Чудовищная война, которая велась между мистером и мисс Крессуэлл-Смит, не ограничивалась супружеской парой. Они причиняли вред невинным людям в качестве побочного ущерба.

Эти слова вызвали некоторое оживление на зрительской галерке. Многие зрители являются полицейскими. Газетчики выдвигали предположения, что одна из юридических стратегий Лоррингтона заключалась в дискредитации ключевых следователей по этому делу – старшего констебля, детектива Лорел «Лоццы» Бьянки, сержанта Корнелла Тримэйна и констебля Грега Эббота. Это якобы было личным делом для них. Присяжные заседатели почти неощутимо подались вперед. Речь государственного прокурора зацепила их на крючок. Они хотели увидеть *злодейку*. Они хотели видеть, как *злодейка* будет пресмыкаться перед ними, будет обличена и наказана всей мощью закона. Они хотели увидеть триумф *героя*. Тогда мир покажется им гораздо лучшим местом. Коникова давала им то, ради чего они пришли сюда, – шанс исполнить их почетный гражданский долг и исправить чудовищное злодеяние. Я знаю, как это работает.

– …логически, шаг за шагом, опираясь на неопровержимые свидетельства криминалистов, на полицейские отчеты и свидетельские показания, а также на экспертную оценку криминалистического психолога, обвинение продемонстрирует Вашей чести, что обвиняемая, – взмах руки, призывающий присяжных как следует присмотреться ко мне, – обладает холодным, изобретательным и расчетливым умом. Это хамелеон, предстающий в обличье скромницы, – увещевает Коникова. – Не поддавайтесь на ее уловки, потому что в конце концов у вас не останется иного выбора, кроме признания ее вины по всем статьям.

Вереница шепотков проносится по залу, словно невидимое течение. Репортеры лихорадочно строчат в свои блокноты. Я сглатываю слюну. Капля пота стекает в ложбинку между грудями. Мое отчаянное стремление к свободе неразрывно связано с Питером Лоррингтоном и командой его юристов.

Коникова наклоняет голову в парике в сторону Лоррингтона.

– Без сомнения, мой уважаемый коллега попытается запутать дело. Направить его по ложному следу. Он будет предлагать вам разные варианты событий и попытается сопоставить их с реальными фактами. Но помните, что любая история – это вымысел. Дым и зеркала. Вполне вероятно, он попытается представить ее в роли жертвы, которая стала добычей грубого и властного мужа, помрачившего ее рассудок и поставившего ее на грань безумия, – Коникова выразительно кивает. – Да, он считает вас податливыми и внушаемыми людьми. Психологи скажут вам, что внушаемость свойственна каждому из нас, а когда человек погружен в глубоко трогательное повествование, он опускает свои эмоциональные барьеры. Ваш долг – не поддаваться ему, оставаться начеку и следить за руками.

– Защита попытается опорочить трудную работу полицейских служащих. Защита попытается выдвинуть подставных свидетелей. И все ради того, чтобы создать малейший предлог для разумного сомнения. Поверить защите – значит позволить этой женщине остаться безнаказанной в убийстве ее мужа. Вы не можете так поступить. Вы здесь ради того, чтобы выполнить ваш гражданский долг. Совершено тяжкое преступление, так что давайте сделаем все правильно.

Коникова садится и тянется к стакану с водой.

– Мистер Лоррингтон? – вопрошает судья Джеральдина Парр. – Хотите что-нибудь добавить?

Мой барристер неторопливо встает. Его рост хорошо заметен, и атмосфера в зале ощутимо меняется. Он доминирует над собравшимися. Все ждут его представления, его контраргументов. Он улыбается. Черт возьми, он улыбается! Я тоже с трудом удерживаюсь от улыбки – от глупого облегчения, от понимания того, что за моей спиной стоит грозная сила, наряду с его репутацией превращать судей и присяжных в податливый воск под его холеными белыми руками.

– Вас что-то позабавило, мистер Лоррингтон? – спрашивает судья Парр, глядя на него поверх стекол очков для чтения. – Или же вы собираетесь обеспечить линию защиты?

Мне известно, что вступительное слово моего барристера будет очень коротким и выдержанным в общих тонах. Защите положено выслушать все аргументы стороны обвинения, прежде чем переходить к конкретным описаниям и версиям событий.

– Ваша честь, – произносит Лоррингтон глубоким баритоном, положив ладони по обе стороны своей кафедры. – Мне представляется, что мадам прокурор позволила себе обозначить мою линию защиты.

На галерке раздается смех. Я вижу ухмылки на лицах некоторых присяжных. Художник переворачивает страницу альбома и начинает рисовать быстрее.

– Тишина в зале! – восклицает судебный пристав.

– В самом деле, – Лоррингтон поворачивается к присяжным. – Мадам прокурор права в том, что существует альтернативный вариант событий. Тот, который лучше соответствует собранным уликам. Мы продемонстрируем Вашей чести, что дело обстоит не вполне так, как настаивает сторона обвинения. И мадам прокурор совершенно права кое в чем еще; следите за пальцами. Читайте ее доводы между строк. И ни на секунду не ослабляйте бдительности, поскольку ваш гражданский долг состоит в том, чтобы не отправить невиновную женщину в тюрьму за преступление, которого она не совершала. Это ваша обязанность перед правосудием. Это бремя, возложенное на ваши плечи.

Элегантно взмахнув полами мантии, он опускается рядом с солиситором.

– Ваш первый свидетель, мадам прокурор? – произносит судья.

Дверь судебного зала распахивается. Появляется женщина-детектив с кудрявыми оранжевыми волосами и обгоревшим на солнце веснушчатым лицом. Кажется, что она перегрелась, облачившись в брюки, белую блузку и плохо сидящий блейзер. У меня сводит живот, пока Лоцца направляется к свидетельской кафедре. Она плотно сбита и движется вперед уверенной походкой, держа руки в стороне от бедер, как будто оставляет место для воображаемого оружейного ремня с кобурой. Когда она приближается, я вижу шрам, пересекающий ее лоб.

Она занимает место для дачи показаний рядом со скамьей присяжных. На меня она не смотрит.

– Тишина, прошу вас! – громко восклицает судебный пристав. Потом он поворачивается к Лоцце: – Вы готовы честно и официально подтвердить, что ваши свидетельские показания будут содержать правду, только правду и ничего, кроме правды? Для подтверждения достаточно сказать «да».

– Да, – говорит Лоцца.

И ты пожалеешь об этом.

Мой взгляд устремлен на шрам у нее на виске.

Потому что твои прошлые ошибки, твой горячий нрав и склонность к насилию помогут мне, Лоцца Бьянки. Лоррингтон подрежет тебе крылья, так что я смогу победить.

Очень жаль, что твоей девочке придется узнать, кто такая ее мать на самом деле. Чудовище.

Адреналин бушует в моих венах. Игра началась, и я уже чувствую запах крови.

Коникова перебирает бумаги в своей папке.

– Будьте добры, сообщите суду ваше полное имя и должность.

Лоцца наклоняется к микрофону.

– Старший констебль, детектив Лорел Бьянки. Джервис-Бэй, полицейский округ Южного Берега.

– Детектив Бьянки, вы можете рассказать суду, где вы находились восемнадцатого ноября, немногим более года назад?

Лоцца переводит взгляд на меня.

Это ошибка. Теперь я тебя достану.

Но когда ее взгляд встречается с моим, меня пронзает тонкое, безмолвное лезвие ужаса. Вероятно, я недооценила и Лоццу Бьянки.

Точно так же, как в тот раз, когда я не предугадала, насколько все изменится в худшую сторону и выйдет из-под контроля между мною и Мартином после того холодного январского вечера на другом конце света более двух лет назад.

Раньше
Элли

9 января, более двух лет назад.

Ванкувер, Британская Колумбия

День был ненастным, и безлистные ветви кленов задевали оконные стекла под резкими порывами ветра, когда я наконец сложила выходное платье Хлои.

Я аккуратно положила его в чемодан над остальными пожитками Хлои, с которыми мне до сих пор больно расстаться. Я смотрела на детскую одежду и слушала ветер, шелестевший воспоминаниями. Платье было украшено рисунком из пляшущих слоников. Моя дочь по какой-то неведомой причине любила слонов.

Хлоя носила это платье в свой третий день рождения. Ей исполнилось три года, и перед ней была вся жизнь. Ее ручки были еще по-младенчески пухлыми, лицо – округлым. Свежая кожа. Вокруг нее витало ощущение надежды, предчувствие будущего. Воспоминание о ее заразительном тонком смехе, когда отец щекотал ей животик, согревало мне душу. Внезапно перед моим мысленным взором появился букетик увядавших полевых цветов, зажатый в ее кулачке, протянутом ко мне лимонно-желтым весенним днем. Я почти ощущала ее запах, чувствовала тепло ее тела у меня на руках. В животе словно поскребли ножом изнутри, оставив щемящую пустоту. Чувство утраты было физически реальным даже сейчас, спустя два года. Несчастье случилось через три месяца и два дня после ее дня рождения, и она носила это платье. Всего на земле ей было отпущено тридцать девять месяцев и два дня.

Ради чего?

Что, черт побери, все это означало? К чему беспокоиться о продолжении жизни?

Какое-то время я не беспокоилась.

Часть моей жизни умерла в тот день, утонула вместе с моим ребенком. И в результате этой трагедии мои отношения с Дугом – наш брак, – увял и засох, как поздний виноград, так и не снятый с зимней лозы.

Я вымещала все это на Дуге. Я вымещала все это на себе. Полагаю, в конце концов измена Дуга была наказанием, которое я навлекла на себя. Мой психотерапевт сказала, что мои нападки на него были внешним проявлением моей собственной вины. По ее словам, я нападала на моего мужа, чтобы *заставить* его ненавидеть меня, и это было разновидностью самобичевания. Она сказала, что мне нужно было отказаться от чувства вины, потому что я была не виновата в смерти Хлои.

Но я не была уверена в этом.

Вероятно, какая-то скрытая часть моего существа никогда не будет уверена в этом.

Женщина-психотерапевт помогла мне, но слишком поздно, чтобы спасти наш брак. Наша совместная жизнь вращалась вокруг моей беременности, вокруг курсов пренатальной йоги, общей радости после сеансов ультразвукового сканирования, когда мы рассматривали форму, а потом узнавали пол будущего ребенка, вокруг обустройства комнаты для Хлои, волнений по поводу грудного вскармливания и сроков начала кормления твердой пищей, вокруг бронирования места в детском садике… Обычные родительские хлопоты. Наша семья состояла из трех человек, но мы собирались завести еще одного ребенка, а возможно, и двух. Но потом вдруг все кончилось. Я больше не могла существовать в роли матери и жены. Я постепенно

теряла своих подруг из семейных групп. Мне было некому читать красивые детские книжки. Дуг уже никогда не снимет приставные колесики с детского велосипеда Хлои и не научит ее ездить по-настоящему. Я работала иллюстратором детских книг, но теперь больше не могла этим заниматься и отступила в сторону.

Я закрыла глаза и глубоко задышала. Сейчас январь. Зима. Ад под названием Рождество давно закончился. Наступил новый год. Скоро придет весна, и все начнется сначала. Все обновится, включая и меня. Я стану новой Элли.

Прошлой осенью Дуг снова женился. Хотя сначала меня как будто рассекло пополам, теперь я больше не прихожу в ярость от мысли о Дуге в обществе другой женщины. Я больше не испытываю жгучего желания причинить им физическую боль. Женитьба Дуга что-то освободила во мне. Мне внезапно стала отвратительна мысль о необходимости держаться за опустевший дом, который я когда-то делила с ним и Хлоей, пока он занят обустройством дома и заведением детей с кем-то еще на другом конце города. Я внутренне освободилась и теперь не могла дождаться, когда избавлюсь от внешних проявлений былой жизни.

В следующем месяце я планировала переехать в квартиру в центральной части города. Квартира принадлежала моему отцу, владевшему разной недвижимостью, но в случае его отказа я не собиралась искать долгосрочную аренду или что-то в этом роде. Я взяла несколько внештатных заказов, позволявших вернуться в профессию художественного иллюстратора. Возможно, я заключу новые контракты либо отправлюсь путешествовать и буду заниматься чем угодно.

Я захлопнула крышку чемодана и закрыла его на молнию. В этом звуке была приятная окончательность. Когда я сняла чемодан с кровати, то посмотрела на подушки с той стороны, где раньше спал Дуг, и меня вдруг охватила острая потребность оказаться в мужских объятиях. Какое-то время, пока мокрый снег хлестал по оконным стеклам, а темные тучи угрожающе нависали над городом, я пыталась вспомнить, когда в последний раз имела близкий контакт с другим человеком – долгое объятие или хотя бы теплое рукопожатие. Мое сердце было стиснуто такой простой и первобытной потребностью, что я подумала о брошенных собаках в клетках собачьего приюта, покорно ожидавших, когда кто-нибудь заберет их к себе, будет любить и ласкать их. Они тосковали, отказывались от еды и в конце концов умирали, если этого не происходило. Нежное человеческое прикосновение было тем же, что солнечный свет и вода для растений.

Я тряхнула головой, чтобы избавиться от этого ощущения, и покатила чемодан к двери. Завтра сюда приедут грузчики, и я подготовилась к их появлению. Во время последнего сеанса психотерапевт сказала, что укладка вещей Хлои в последнюю очередь должна быть не шагом к забвению моей малышки, но знаком того, что я наконец нашла способ жить вместе с моей утратой. И мне не стоило надеяться, что чувство утраты будет добродушным и милосердным спутником. По словам врача, чудовище под названием «горе» будет подстерегать меня в самых неожиданных местах, снова и снова. Оно непредсказуемо, изменчиво, свирепо и обманчиво. Фокус в том, сказала она, чтобы распознать чудовище, когда оно нанесет удар, быть добрее к себе и не ожидать, что другие люди будут понимать мои переживания. Не существует установленной хронологии этапов или испытаний, через которые придется пройти: с разными людьми все происходит по-разному.

Позднее, когда я уехала из дома для встречи с отцом на особом праздничном обеде, предназначенном только для нас двоих, я надела новые сапоги до колена с очень высокими каблуками, вязаное платье из черной шерсти, в которое до сих пор никак не могла поместиться, и накрасила губы алой помадой. Мои волосы были расчесаны до блеска и волной падали на плечи. Я ощущала себя цельной, храброй, уверенной в себе.

Я пообещала себе, что на этот раз наши дела с отцом наладятся и пойдут хорошо.

Раньше
Элли

В вестибюле отеля «Хартли-Плаза» на ванкуверской набережной было оживленно; в основном люди в деловых костюмах с именными бирками, явно прибывшие сюда для участия в конференции «АГОРА», финансируемой группой компаний «Хартли». «АГОРА» была очередным детищем помыслов моего отца, ярмаркой тщеславия, предназначенной для знакомства состоятельных венчурных капиталистов с мечтателями, нуждавшимися в финансовой поддержке своих проектов. Я прошла через толпу, направляясь в шикарный бар «Маллард».

Там тоже было многолюдно. Постоянные посетители сидели в кожаных креслах за низкими столиками с мерцающими свечами. Стойка бара из темного дерева с зеркалами позади тянулась вдоль дальней стены. Пианист, сидевший за кабинетным роялем, наигрывал приглушенную мелодию в джазовых тонах, а в камине, выдержанном в стиле охотничьего домика, потрескивали дрова. Из панорамных окон открывался вид на гавань со стоянкой для гидросамолетов; на смену мокрому снегу и слякоти пришли пушистые, размеренно падавшие снежинки.

Я встала у менеджерской стойки и постаралась найти моего отца среди меценатов и постоянных клиентов. Почти сразу же я увидела его. Высокий, с чубом седых волос на фоне бронзового загара, так и намекающего о дорогих яхтах, дальних плаваниях и экзотических островах. Достопочтенного Стерлига Джеймса Харди было трудно не заметить.

Распорядительница взяла мое пальто, и я поправила на бедрах свое платье-свитер. Когда отец увидел меня, он энергично выпрямился и поднял руку. Люди оборачивались, чтобы посмотреть на меня. Так было всегда: что бы ни делал мой отец, люди смотрели на него. Он обладал соответствующей энергией и занимал соответствующее положение. Во мне шевельнулось восторженное предвкушение.

– Элли! Иди сюда.

Я улыбнулась и проворно зашагала к нему между столиками, зная о том, что он продолжает смотреть на меня. Я сделала усилие над собой и надеялась, что он это оценит, но в то же время ненавидела себя за желание получить его патриархальное одобрение. Потом я заметила женщину, сидевшую рядом с ним, – женщину, которая до сих пор оставалась скрытой за высокой спинкой кресла. Тощая, как щепка, лет на десять старше меня, с пухлыми губами и идеально расчесанными на пробор платиновыми волосами. У меня резко испортилось настроение. Казалось, в баре сразу стало темнее.

– Элли, это Виргиния Валенте, – сказал мой отец. – Она из Милана.

Я изобразила улыбку, пока он целовал меня в щеку, и прошептала ему на ухо:

– С днем рождения, отец! Я думала, что это будет наш ужин вдвоем.

– Вот как, – мой отец усмехнулся и шагнул назад. – А я думал, что у вас с Виргинией будет прекрасная возможность для знакомства.

Я села за столик.

– Мне так приятно познакомиться с вами, Элли, – проворковала Виргиния.

– Да, это замечательно, – в тот момент я решила не вручать отцу подарок, который лежал у меня в сумочке.

– Что будешь пить, Элли? Мы с Виргинией для начала заказали виски, и…

– Спасибо, я буду вино, – сказала я. – «Пино гри» «Слокан-Хиллс».

Мне вдруг захотелось как следует выпить и поставить свой контрольный штамп на этом низком круглом столике, где я, очевидно, считалась лишней и была возмущена этим обстоятельством.

Официант принес вино и с подобострастной ловкостью продемонстрировал этикетку моему отцу.

– Замечательно, – сказала я. – Но пить буду я, а не он.

Отец слегка прищурился и уставился на меня. Кровь ударила мне в лицо. Виргиния сместилась в кресле и потянулась за своим бокалом, чтобы разрядить напряжение.

Официант плеснул в мой бокал глоточек вина для дегустации.

– Просто оставьте бутылку на столе. Благодарю вас.

Когда официант удалился, я взяла бутылку и налила себе щедрую порцию. Вино было превосходно остужено, и на внешней стороне бокала сразу выступили капельки влаги. Я сделала большой глоток и сразу же почувствовала, как в груди разливается знакомое тепло. Как приветствие старого друга. Мне уже стало лучше. Я сделала еще несколько глотков для бодрости духа. На каком-то уровне я чувствовала, что завелась. Я знала, что слабые электрические импульсы разбегаются по нейронным каналам моего мозга, глубоко высеченным привычкой к спиртному, рожденной горем утраты ребенка. Глубоко внутри я уже была где-то еще, включив свой старый защитный механизм. По крайней мере, сегодня вечером.

Отец молча наблюдал за мной.

Я пожала плечами и задалась праздным вопросом, потрудился ли он рассказать «мисс Милан» об опасном пристрастии своей дочери к алкоголю и рецептурным медикаментам после смерти его маленькой внучки.

Депрессивная алкоголичка, как и ее мать…

А возможно, и нет. Я отпила еще немного вина. Вполне возможно, мой папочка забыл, что у него вообще была внучка. Скорее всего, он имел детей и внуков по всему миру, и я ничего не знала о них.

– Посмотрим меню? – предложила Виргиния с акцентом Софи Лорен. Европейская роковая женщина, исполняющая роль в старом кинофильме про Джеймса Бонда. Меня затошнило. Дорогие кольца, дорогой французский маникюр. Вероятно, она была еще старше, чем мне показалось сначала, просто хорошо сохранилась. Косметическая хирургия? Я подалась вперед, чтобы рассмотреть получше; выпивка уже сделала меня более раскованной. Да, косметически увеличенные губы, решила я. С верхней губой вышел перебор. Я ненавидела силиконовые губы, делавшие женщин похожими на уток. Честно говоря, они *бесили* меня. Смутный образ новой жены Дуга замерцал в моем воображении, поэтому я быстро потянулась за бокалом и допила остатки вина.

– Я выберу мясное ассорти, – сказала Виргиния.

– Я буду жареную утку, – сказала я, все еще глядя на ее губы. Я хорошо знала меню. Мы с Дугом часто присоединялись к моему отцу в «Малларде» до того, как утонула Хлоя. Отец хорошо ладил с Дугом, потому что они были похожи, и Дуг тоже занимался недвижимостью, поэтому папочка финансировал некоторые большие проекты моего мужа, но всегда к обоюдной выгоде.

Отец сделал заказ. Я продолжила изыскания в своей бутылке «Пино гри». Официант принес еду.

Виргиния взялась за вилку.

– Итак, Элли…

– Прошу прощения?

Она выглядела сконфуженной. Я покрутила пальцем возле уха.

– Извините, плохо слышу. Прошу погромче, а то играет музыка и повсюду разговоры.

Она посмотрела на столик у меня за спиной, где в кресле с высокой спинкой сидела брюнетка, тихо шарившая в своем телефоне. Напротив нее другая женщина молча работала на iPad, время от времени отхлебывая из бокала.

Виргиния подалась ближе ко мне, направив свои накачанные губы мне в лицо, и громко сказала, выразительно грассируя свой выговор:

– Ваш *патэрр* сказал, что вы *перрэз'жаете* в одну из его *квартэрр* в городском центре.

Я выжала последние капли из своего бокала.

– А папá сказал вам, что весь этот дом находится в его собственности? Все *квартэрры,* до единой?

– Элли, – предостерегающим тоном произнес мой отец.

Я проигнорировала его и подняла руку, подзывая официанта. Потом указала на пустую бутылку и жестом велела ему принести другую.

– Элли, – повторил мой отец. – Посмотри на меня.

Я посмотрела на него. Ясно-голубые отцовские глаза были жесткими, как кремень. Он слегка нахмурил седые брови. Опасный признак.

– Да?

– Ты уверена, что тебе нужно так много пить? После того, что случилось раньше?

Я гневно уставилась на него с сильно бьющимся сердцем.

– Ты хочешь сказать, после смерти Хлои? Ты это имеешь в виду, *папа*?

Виргиния осторожно положила наманикюренную руку на локоть моего отца, словно успокаивая его.

– Элли, – обратилась она ко мне. – Когда я приезжаю в Ванкувер, то живу в центральном отеле. Мы можем встретиться за утренним кофе или в солярии…

– Ну да, конечно, – я потянулась за новой бутылкой вина, налила и выпила. – Звучит просто волшебно. Я с удовольствием проведу какое-то время с вами, пока отец не обменяет вас на что-нибудь новое с хорошей доплатой.

Я говорила громко. Я сознавала, что люди за соседними столиками слушают меня, но мне было наплевать, если кто-то слышит «слетевшую с катушек наследницу Хартли» – как меня назвали в одной желтой газетенке, – выясняющую отношения с очередной папулиной любовницей в отеле его имени. С меня было достаточно. Моего вечно отсутствующего отца, его вечных женщин, моей прежней жизни. С меня было достаточно старой Элли, которая просто привыкла впитывать все это, как губка, и возвращаться домой, до отказа наполненная токсичными мыслями и эмоциями. С меня было достаточно папулиных эскорт-девиц, наряженных в пух и прах и щебечущих о роскошных круизах и курортных процедурах. Он проводил с одной из таких женщин максимум около года, прежде чем завести новую.

– Тебе нужно серьезно отнестись к предложению Виргинии, – холодно и твердо сказал отец, пропустивший мои слова мимо ушей. – Она знаменитый тренер по похуданию и может дать тебе массу полезных советов о том, как сохранять форму.

Бах. Я уставилась на него с приоткрытым ртом и бокалом, застывшим в воздухе на середине движения.

– Я сильно сбросила вес, – тихо сказала я и аккуратно поставила бокал на стол. – Я… надеялась, что ты это заметишь.

– Элли, – он подался вперед. – Ты далеко продвинулась, но…

– Ох, только посмотреть на вас! – Виргиния беззвучно рассмеялась и помахала рукой, как бы рассеивая напряженность между нами. – Вы напоминаете меня саму и моего отца. Мы чаще всего ссорились из-за…

– Элли не ссорится, – сказал мой отец. – Она ведет себя пассивно-агрессивно. Как тихоня, о которых люди обычно не беспокоятся. Как змея в траве.

Мои глаза жгло, как огнем.

Виргиния попыталась еще раз сменить тему:

– Я слышала, что вы рисуете картинки для детских книг, Элли?

– Иллюстрации, – поправила я, по-прежнему удерживая стальной взгляд голубых глаз отца. – У меня степень магистра изящных искусств, и я специализируюсь по английской литературе.

– *Очэррователъно,* – сказала она. – А вы не задумывались о том, чтобы начать собственный издательский бизнес? Издавать книги для детей?

Я резко втянула воздух, разорвала визуальный контакт с отцом и налила себе вина, размышляя над ответом. Действительно, я думала об этом. Эта мечта была очень близка и дорога моему сердцу; она запала мне в душу, когда я читала Хлое разные истории перед сном. Но мечта умерла после того, как я потеряла мою маленькую девочку.

– Виргиния права, – отец промокнул губы белоснежной салфеткой и взялся за свой скотч. – Это было бы великолепно. Для начала детские книги, а потом, когда ты твердо встанешь на ноги, можно будет подумать и об издании настоящих книг.

– *Настоящих книг*?

– Ты понимаешь, что я имею в виду, – он отхлебнул виски.

– Нет, не понимаю. Ты имеешь в виду, что детские книги могут служить подспорьем для какой-то более важной работы?

– Я имею в виду, что твои привычные занятия не должны удерживать тебя от будущего развития, Элли. Если что-то делается легко и удобно, это не означает, что ты вечно должна заниматься этим. Перемены всегда трудны, но ты можешь стать кем угодно, если только захочешь этого, – он откинулся на спинку кожаного кресла, баюкая свой бокал в ладонях. – На самом деле я имею в виду, что нельзя позволять трагическому событию определять твою дальнейшую жизнь. Измени свою историю. Будь подвижной и изменчивой. Адаптируйся.

Он указал бокалом на меня.

– Выбор за тобой.

Кровь отхлынула от моего лица. В ушах тихо зазвенело.

– Я серьезно, – продолжал он. – Все мы можем выбирать свои личные истории, – те истории о себе, в которые нам хочется верить. И если мы достаточно сильно верим в свою новую историю, то другие люди тоже начинают верить, – он снова отхлебнул виски. – В том числе и поэтому я попросил тебя сегодня присоединиться к нам.

Разумеется, у него была причина. Как я могла быть такой *дурой* и поверить, что это было всего лишь искреннее желание отца встретиться с дочерью в день своего шестидесятипятилетия? Воспоминание дрожало и переливалось, как ртуть: детский восторг на лице Хлои, когда я читала ее любимую сказку на ночь. Снова и снова, потому что она требовала этого. Звуки ее хихиканья в смешных местах. Пухлый пальчик, указывающий на иллюстрации. Чувства жаркой волной вздымались во мне. Эти моменты, которые я делила с Хлоей, *были реальными*. Книги *были реальными*. Жизненные уроки, усваиваемые через вымышленных героев. Моя работа по созданию детских книг была ценной для меня.

Я совершила колоссальную ошибку, когда приехала сюда сегодня вечером. Я воображала, что мы будем вдвоем, и в этой воображаемой «истории» мой отец говорил: «*А ты хорошо выглядишь, Элли! Ты сбросила вес и выглядишь сильной. Я горжусь тем, как ты смогла прийти в себя после всего…*» Как я вообще позволила таким мыслям закрасться ко мне в голову? Какая женщина в возрасте далеко за тридцать лет нуждается в отцовском одобрении, в его любви? Какая женщина нуждается в муже, в мужском прикосновении… в запахе волос ее ребенка, к весу ее малыша на усталых руках? К моим глазам подступили слезы.

– Я серьезно, Элли. Дай мне идею – любую идею – об издательском предприятии, о художественном бизнесе, даже о художественной галерее с выставкой-продажей. Если ты составишь хотя бы наполовину достойное деловое предложение, то я профинансирую его. Считай, что ты уже победила в этой игре, – он обвел помещение широким жестом руки с бокалом виски. – Половина людей в этом отеле прямо сейчас хотели бы оказаться на твоем месте и

воспользоваться этой возможностью, – он наклонился вперед. – Ты можешь основать уникальную маленькую компанию с индивидуальным подходом и выбирать только те проекты, которые захочешь продвигать…

Его слова превратились в монотонное жужжание, когда музыка заиграла громче, а звуки окружающих голосов начали сливаться и расплываться у меня в голове.

Маленькая.

Уникальная.

Нечто маленькое и уникальное, собранное по индивидуальному заказу, сидело рядом с ним: шедевр косметической хирургии с утиными губами. Я смотрела на отца. Он никогда не уважал то, чем я занималась. Он никогда не уважал *меня*. Он рассматривал меня как маленькую занозу в боку с тех пор, как умерла моя мать, когда мне было девять лет. Я взяла свой бокал и допила остатки вина.

– Значит, вот почему я здесь? – спросила я и подлила еще. – Ты хочешь потратить кое-какие деньги на меня, – на твою *маленькую проблему,* – прежде чем вы с твоей новой спутницей не отправитесь в долгое и увлекательное путешествие, питаемое неугасимым огнем возрастного кризиса?

Я знала, что он собирался совершить большую поездку. Я не знала, что он собирается взять с собой женщину, но, разумеется, иначе и быть не могло.

– Примерно так же, как ты раньше совал мне деньги или селил меня куда подальше и подороже с тех пор, как умерла мама. Ты считал, что это с лихвой покрывает твои родительские обязательства.

Он заморгал.

– Да, – я повысила голос и сама удивилась этому. – Мне уже давно должно было хватить смелости сказать тебе это прямо в лицо. Наверное, я была менее… как ты это называешь? Пассивной? – Мой голос становился пронзительным, но я не могла удержаться. – Думаешь, если ты подбросишь мне несколько миллионов… Думаешь, если ты потрясешь передо мной венчурным капиталом, словно перед одним из этих парней из службы быстрых знакомств, приехавших на твою конференцию, то сможешь умыть руки? Избавиться от маленькой проблемы с Элли и наконец освободиться в день твоего юбилея, чтобы с блеском провести остаток твоих дней?

Виргиния пугливо оглянулась на людей за столиками, сидевших вокруг нас. Они притихли и внимательно слушали. Лишь двое или трое посмотрели в нашу сторону, но быстро отвели взгляды.

Я уже представляла заголовки завтрашних газет:

Очередной нервный срыв у «наследницы Хартли»! Стерлинг Джеймс Хартли и его дочь из-за трастового фонда устраивают публичную ссору на знаменитой конференции «Агора» в отеле его имени!

Слегка дрожа от мощного выброса адреналина в организме, я продолжала:

– Ты и впрямь думаешь, что деньги решают все, не так ли? Может быть, если ты хотя бы один раз *попробовал* почитать мне сказку на ночь, когда я была маленькой, или видел, как твоя внучка…

– Говори тише, – проворчал он.

– Ах, я недостаточно пассивна для тебя?

– Я всего лишь сделал предложение, Элли. Чтобы ты могла чем-то заняться, чтобы ты могла отвлечься от других… вещей. Чтобы ты вышла в свет и встречалась с людьми. Фриланс – это одинокая работа. Ты все время остаешься одна в твоей студии, а это нехорошо.

Я сверлила его взглядом. Я хотела сказать, что мне *нравится* быть одной. Но он был прав: я нуждалась в обществе. Я нуждалась в семье. Но не в финансировании.

Мой отец обменялся взглядом с Виргинией. Он кивнул и поднял руку, требуя принести счет. Потом он наклонился ближе и взял мою ладонь в свои руки. Они были большими и теплыми, и девятилетняя девочка в моей душе испытала ноющую боль утраты.

– Нам с Виргинией пора уходить. У нас есть другие встречи и дела на этот вечер.

Я кивнула, не разжимая губ.

– Я собираюсь вызвать тебе такси.

Я промолчала.

– Я лишь хочу, чтобы ты знала: предложение остается в силе. Чего бы ты ни захотела, чего бы это ни стоило. Может быть, ты захочешь попробовать силы в сфере недвижимости, как Дуг.

– Это была затея Дуга, а не моя.

Он стиснул зубы и снова кивнул.

– Позвони мне. Мы с Виргинией завтра отправляемся в путь и большей частью будем находиться вне зоны мобильной связи, – особенно в Сахаре и на антарктическом этапе нашей экспедиции, ближе к концу года. Но даже если ты не сможешь связаться лично со мной, свяжись с Сарой Чэппел: это моя новая личная ассистентка в нашем офисе. Я оставлю ей инструкции и сделаю то же самое для моего юридического консультанта. Он может рассмотреть твое предложение и запустить процесс, если ты пожелаешь.

Он поднялся из-за стола, и Виргиния последовала его примеру. Окончательность: я ощущала силу этого жеста. Мне было тридцать четыре года; предполагалось, что я преодолела тяжелый жизненный кризис, и мой отец был готов платить, поскольку ему хотелось быть свободным от чувства вины в своей кругосветной поездке. Его долг передо мной был исполнен, и мысль об этом колокольным звоном отдавалась у меня в голове. Стерлинг Харди подписал последний чек. Его совесть была чиста.

– Не беспокойся о такси, – сказала я.

– Элли…

– Я останусь и еще немного выпью.

Он окинул меня взглядом.

– Эй, ты же сказал, что я должна чаще выходить в свет. Вот я и вышла.

Отец помедлил, потом наклонился и клюнул меня в щеку. Я подозвала официанта и заказала мартини, пока смотрела, как отец идет к бару. Он наклонился над стойкой и что-то сказал бритоголовому бармену с черным ежиком волос на голове и с борцовским телосложением. Рок посмотрел в мою сторону и кивнул. Мой всемогущий отец велел бармену присматривать за его загулявшей блудной дочерью. На какое-то мгновение мне захотелось поверить, что его забота была искренней. Но, скорее всего, мой отец-социопат беспокоился о том, что я устрою сцену, чрезвычайно неприятную для него.

Я отвернулась от них и повернулась к моему отражению в панорамном окне. Длинные блестящие волосы, темные, с переходом в черноту. Бледная кожа. Мое с трудом подогнанное платье. Сапоги до колен. Я выглядела не так уж и плохо, так что закинула ногу за ногу, чтобы выглядеть поэлегантнее. Мне принесли мартини, но как только я сделала первый глоток, зазвонил телефон.

Я отставила бокал и порылась в сумочке. *Дана*. У меня защемило сердце. Я ужасно скучала по ней. Я скучала по всем моим старым подругам, по нашим загородным вечеринкам. Это было так давно! Я поспешно приняла вызов.

– Элли, – сказала Дана, как только я подняла трубку. – Что ты делаешь сегодня вечером? Я не прочь бы пропустить пару рюмок.

– Том?

Мрачный смешок.

– Как ты догадалась? Да, у нас была очередная потасовка. Все из-за стресса у него на работе.

Я улыбнулась, уже пребывая в состоянии радостного опьянения. Увлеченная перспективой встречи с Даной.

– Приезжай в бар «Маллард» в отеле «Хартли», – сказала я. – Я уже здесь, неплохо разогрелась и могу выпустить еще немного пара со старой подругой.

Дана сказала, что скоро будет. Она жила поблизости. Я завершила разговор, а когда клала телефон обратно в сумочку, то заметила в окне отражение брюнетки, по-прежнему сидевшей за мной. Она как будто изучала меня и при этом что-то тихо говорила в свой телефон. Я покосилась налево. Там сидел мужчина, тоже смотревший на меня. Оглядываясь по сторонам, я испытывала растущее беспокойство. Неужели я закатила крупный скандал?

Раньше
Элли

Дана опрокинула еще одну порцию текилы и со стуком припечатала стопку о стойку бара. Ее щеки раскраснелись, глаза ярко горели.

– К дьяволу мужиков!

Я рассмеялась. Моя богемная подруга привлекала мужские взгляды. Ей нравилось толковать карты Таро, медитировать и измерять свой пульс после «лесной ванны», в просторечии известной как прогулка по лесу. Ее густые темно-каштановые волосы волнами падали на плечи, лицо выглядело по-детски невинным. Сегодня она носила длинную юбку, кожаные ботинки, большие серьги в форме колец и широкую улыбку. Ее присутствие было жизненно необходимым для меня. Она пробуждала во мне вспышки зависти и очень много любви. Мне хотелось приобщиться к ее внутреннему огню. Мне хотелось выбраться из бездны горя и депрессии, которая снова разверзлась передо мной при виде новой подруги моего отца.

– К дьяволу их всех! – с таким же энтузиазмом согласилась я и опрокинула собственную стопку. Потом мы заказали больше еды и выпивки. И мы смеялись от души, раскрасневшись от тепла и от дружеских чувств. Когда я посмотрела на часы, то поразилась, сколько прошло времени. Утром должны были приехать грузчики, а мне еще предстояло завершить здешние дела и добраться до постели.

– Бог знает, я нуждалась в этом, Дана. С-спасибо.

Он наставила палец на меня и фыркнула.

– Ты запинаешься.

– А ты только что фыркнула!

– Ничего подобного.

– А вот и да!

Мы расхохотались и склонили головы друг к другу. Бармен Рок пристально наблюдал за нами.

– Как думаешь, сколько ему заплатил папуля? – прошептала я на ухо Дане.

– Кому?

Я показала большим пальцем себе за спину.

– Бармену. Року.

Она хихикнула, икнула, потом собралась с силами и выпрямилась.

– Мы взрослые женщины, Элли. Взрослые люди так себя не ведут, – она пыталась сохранить серьезное выражение лица, но ее губы непроизвольно кривились в улыбке.

Мы снова захихикали, как девочки.

– Разве можно вырасти на самом деле? – спросила я.

Дана потянулась за своей сумочкой, лежавшей на стойке.

– Предположительно.

– Нет, правда. Иногда я по-прежнему ощущаю себя ребенком. Как будто девятилетняя девочка настоящая, но обитает в этом постаревшем теле.

Дана замерла, и ее лицо стало серьезным. Она колебалась с ответом.

– Моя бабушка говорила нечто похожее незадолго до ее смерти. Она сказала, что внутри всегда оставалась маленькой девочкой, но люди относились к ней как к глупой старухе, слишком неповоротливой для их стремительного и молодого мира.

– А я возвращаюсь к своему внутреннему каждый раз, когда вижу моего отца. Он как будто нажимает на кнопку.

– Не борись с этим, Элли. Просто занимайся своими делами и не беспокойся о нем.

Я снова кивнула. Порывшись в сумочке, я достала гигиеническую салфетку и высморкалась. Женщина, сидевшая по другую сторону от Даны за стойкой бара, привлекла мое внимание. Она копалась в своем телефоне, но расположилась слишком близко. Судя по всему, она подслушивала наш разговор. Рядом с ней был пустой табурет, она могла бы сесть немного подальше. Что-то заставило меня насторожиться. Не та ли это женщина, которая сидела у меня за спиной во время ужина? У меня разбредались мысли, и я была не уверена в этом. Ее взгляд на мгновение встретился с моим, и она быстро отвернулась. Ее волосы, собранные в элегантный хвост, мотались по плечам. Юбка и жакет индивидуального пошива. Стройная и гибкая, спортивного типа. Деловая женщина; возможно, она приехала на конференцию «Агора». Я вдруг преисполнилась смутным желанием чего-то большего. Быть похожей на эту деловитую красотку… или похожей на Дану. Мой отец был прав. Я *могла бы* стать такой женщиной. Я могу быть кем угодно, нужно лишь сделать выбор.

– Знаешь, Элли, мне кажется, что тебе следовало это сделать.

Мое внимание переключилось на Дану.

– Что?

– Взять его деньги.

Я уставилась на нее.

– Нет, я серьезно. О каких деньгах идет речь?

Я сухо рассмеялась.

– Тебе известно его состояние. Рейтинги «Форбс» и так далее. Наверное, я могла бы получить столько, сколько захотела.

– Скажем… несколько миллионов? – Дана вдруг совершенно протрезвела.

Я кивнула.

– Тогда чего бы ты хотела?

Я посмотрела в зеркало за стойкой бара. *Чего я хотела?*

Я хотела вернуть Хлою. Хотела вернуть то, что имела вместе с Дугом. Нашу маленькую семью. Я хотела, чтобы кто-то гордился мной. Обычные человеческие слабости. Я хотела продолжать занятия книжной иллюстрацией. Мои потребности не были экстравагантными.

– Титул наследницы Хартли ничего не значит для меня, – тихо сказала я. – Пустая трата больших денег.

– Ну да, – сказала она. – Привилегированное положение – это отстой.

Я фыркнула.

– Серьезно, Элли, подумай об этом, – она посмотрела на свои часы. – Ох, елки-палки. Мне нужно домой, завтра рано вставать. Ты нормально доберешься? – спросила она, слезая с табурета.

– Всего-то переехать через мост на такси. А ты?

– Я пойду пешком, не больше квартала отсюда. Со мной все будет прекрасно. Вот почему хорошо жить в городе: куда ни кинь, все рядом. Тебе понравится.

Я кивнула. Она поцеловала меня в щеку, и мы обнялись.

– Ох… погоди, погоди, – она порылась в сумочке и достала свой телефон. – Нужно увековечить нашу встречу, – она обратилась к бармену Року: – Вы не могли бы…

Он улыбнулся и взял телефон Даны. Обнявшись, мы изобразили лучезарные пьяные улыбки с баром на заднем плане.

– И на мой телефон тоже, – я протянула его бармену.

Он сделал снимок, изменил масштаб и щелкнул еще раз. Мы улыбались, как тупые чеширские кошки.

Дана помедлила, как будто странным образом снова протрезвела.

– Не пропадай, ладно?

– Не буду. Обещаю.

Я говорила совершенно искренне. Побузить в дружеской компании было совершенно правильно. Мы слишком давно этого не делали. Я смотрела, как Дана огибает столики, направляясь к выходу. Бар быстро пустел, осталось лишь несколько постоянных клиентов. У меня снова возникло острое ощущение, что за мной наблюдают. Я повернулась к стойке. Рок смотрел на меня и что-то говорил в свой телефон. Обо мне? С кем? Я стряхнула зловещее ощущение и пошла за пальто. Я несла его в руках, неверной походкой направляясь в уборную через вестибюль отеля.

Когда я приблизилась к уборной, мой каблук зацепился за выступ бетонного покрытия, и я споткнулась, накренившись вперед. Какой-то мужчина рванулся ко мне и поддержал меня, подхватив за локоть.

Я покраснела от замешательства.

– Я… – я скорчила гримасу и указала на пол. – Плитка уложена неровно. Зацепилась каблуком.

Его глаза были поразительно голубыми на фоне глубокого оливкового загара. Взгляд был открытым и напряженным. Густые волосы, зачесанные назад на скандинавский манер.

– Я уже довольно долго не носила высокие каблуки, полагаю, мне нужен опыт, – я делано рассмеялась, но тут же одернула себя и изобразила серьезный тон.

– Почему?

– Что?

– Почему вы не носили обувь с высоким каблуком?

Я окинула его взглядом, и что-то шевельнулось у меня в сердце. В нем было что-то особенное – мягкая настойчивость, аура теплоты и спокойной силы.

– Не обращайте внимания. Мне жаль… я не хотел выглядеть таким… прямолинейным, – сказал он и убрал руку с моего локтя. Он выглядел немного смущенным. Челка упала ему на лоб. Он был выше меня, даже с учетом каблуков. Хорошо сложенный. Пожалуй, немного полноватый, но я всегда ценила некоторый объем в мужском теле. Особенно мне нравились мощные бедра и выпуклость под его деловыми брюками. Он носил примерно такую же одежду, как Дуг, – тот человек, в которого я влюбилась. И каковы бы ни были мои теперешние чувства по отношению к Дугу, они оставались смешанными и противоречивыми. Короче говоря, я ощутила симпатию к этому мужчине.

Я поправила сумочку, закинув ее повыше на плечо, и кашлянула.

– Благодарю вас.

– За что?

– М-мм, за комплимент насчет каблуков.

Он рассмеялся. Мне нравились морщинки в уголках его глаз и ямочки на щеках. Я нервно рассмеялась в ответ.

– Послушайте, можно… Можно я поставлю вам выпивку, – он указал в сторону входа в маленький полутемный паб справа от нас.

– Я собиралась уходить.

– Ну конечно. Никаких проблем.

– И… я уже кое-что выпила.

– Тогда небольшая закуска? – он улыбнулся еще шире. – И все впитается как следует.

Я поняла, что он говорит с австралийским акцентом. Плюс немного британской степенности. Канадец или американец? И в его тоне, когда он сказал, что «все впитается как следует», не было ни малейшей насмешки. Этот момент, как и его манера общения, был необычно легким и в то же время интимным. Простым. Я помедлила, пока некоторые остатки сомнений пробуждались глубоко внутри. Посмотрела туда, куда ушла Дана. Подумала о моем холодном доме на северном побережье на другой стороне моста. Все упаковано, ничего лишнего. Щемящая пустота и пустая комната Хлои. Сколько времени прошло с тех пор, когда мужчина обра-

щал на меня внимание таким образом? После смерти Хлои я сильно набрала вес и еще не вполне успела похудеть, но он вроде бы не обращал на это внимания. В его глазах я видела молчаливое одобрение, и это было приятно.

– Я приехал на конференцию, но сегодня был зверски долгий и утомительный день, – объяснил он. – Мне нужно немного развеяться от стресса, и если не возражаете, мне хватит вашего общества.

Я знала, что у камина в полутемном пабе подают бренди, а одна стена была заставлена книжными шкафами с оригинальными изданиями в застекленных полках. Кресла были мягкими и удобными.

– Меня зовут Мартин, – он протянул руку. – Мартин Крессуэлл-Смит.

– Элли Тайлер, – я взяла его за руку.

– Итак, Элли Тайлер, как насчет чуточку выпить и закусить?

Я замешкалась и удержала его взгляд. Возможно, я посылала ошибочные сигналы? Неумышленно привлекала к себе неуместное внимание? Он не был похож на серийного убийцу, а мне в этом отеле ничего не угрожало, верно? Могло ли все повернуть не туда, куда я хотела?

Ты можешь стать кем угодно, если только захочешь этого…

Я улыбнулась.

– Разумеется. Почему бы и нет?

Раньше
Элли

У него не было обручального кольца. Это не означало, что он холост, но я с самого начала решила, что если увижу обручальное кольцо, то выйду из игры. Официант принес сырную тарелку и два бокала портвейна. Мартин выбрал низкий столик перед камином с двумя креслами, немного повернутыми к очагу. Это делало обстановку более теплой и личной.

– Надеюсь, вы извините меня за эту вольность, – сказал Мартин, жестом указав на еду и напитки. – Мы можем изменить заказ, если вам не нравится…

– Выглядит чудесно, – я потянулась за бокалом и с облегчением отметила, что он тоже немного нервничает. Это подразумевало, что коллекционирование женщин, направляющихся в уборную, не входит в число его привычек. Вероятно, он действительно увидел во мне что-то особенное.

Он поднял свой бокал.

– Ваше здоровье, – он чокнулся со мной. – За случайные встречи.

– За случайные встречи.

Мне нравилась форма его рук. Несмотря на определенную нервозность, он обладал непринужденной властностью, которая часто появляется вместе с устойчивым финансовым состоянием. Благодаря моему отцу я была знакома со многими мужчинами, обладавшими подобной аурой. И, судя по его бронзовому «Ролексу» и золотым запонкам с выгравированными инициалами MCS, элегантному покрою его одежды и туфлям от Болвэ, Мартин Кресс-уэлл-Смит привык к материальному успеху. Я почувствовала, как что-то внутри меня начинает открываться. Надежда. Возможность снова жить по-настоящему, а не влачить жалкое существование. Смех. Даже любовь.

– О чем вы думаете, Элли?

– О том, что вы не похожи на серийного убийцу.

Он рассмеялся – громко, непринужденно и заразительно. Потом он подался вперед с озорным блеском в глазах.

– Но я *мог бы* похитить вас. Увезти отсюда в темное и уединенное место.

– Слишком рискованно. Слишком много свидетелей плюс камеры наблюдения, – я махнула рукой в сторону потолка.

Он посмотрел вверх.

– Они здесь есть?

Я помедлила с ответом, пока не желая делиться с ним, как много я знаю об этом отеле, носившем фамилию нашей семьи.

– Насколько я понимаю, должны быть. По крайней мере, в вестибюле. А вы собираетесь увести меня через вестибюль, верно?

– Хм-мм, – он покрутил темно-красную жидкость в своем бокале. – Может быть, через служебный задний выход?

– Если вы откроете заднюю дверь, сработает пожарная сирена.

Он иронически скривился.

– Ладно, вы победили. Похищение исключено.

Я усмехнулась, взяла деревенский крекер, намазала мягким сыром и положила в рот.

– Откуда происходит ваш акцент? – поинтересовалась я с набитым ртом.

– Лучше спросите, откуда он не происходит, – он немного помолчал, и у меня сложилось впечатление, что он размышляет, как много может рассказать о себе. – Я родился в Австралии, в Мельбурне. Моя мать была уроженкой Канады, отец занимается строительством недвижи-

мости: торговые центры, международные курорты. Поэтому мы много путешествовали, пока я рос. Мы провели три года в Англии, где я пошел в школу. Какое-то время жили в Штатах – в Неваде и в Нью-Йорке. Потом в Португалии и во Франции. Год на Карибах. Несколько месяцев на Красном море, где мы жили на курорте для дайверов, пока отец работал над местным проектом. И довольно много времени в Торонто, где я сейчас живу. Штаб-квартира моего бизнеса находится в Торонто.

– И вы участвуете в конференции «Агора»?

Он кивнул.

– Это шанс заключить строительный контракт в Новом Южном Уэльсе. У нас были спонсоры, главным образом из Китая, но из-за недавних трений между австралийским и китайским правительством мои инвесторы были вынуждены дать задний ход, – он отпил глоток портвейна. – Поэтому теперь я ищу новых долевых партнеров и уже предложил кое-какие идеи.

– Что это за строительство?

Мартин заглянул мне в глаза, словно взвешивая меня, и я гадала, что он увидел – подвыпившую безмозглую особь женского пола, недостойную вдумчивого объяснения, или серьезно заинтересованного человека.

– Это район курортной и жилой застройки вдоль побережья примерно в четырех часах езды от Сиднея, – сказал он. – Очень современная стоянка для яхт, с гостиницей и коттеджами для аренды в речном эстуарии, – какое-то время он смотрел на огонь, потом улыбнулся и добавил: – Это чуть севернее того места, куда я любил ездить в детстве. Мы несколько раз проводили там семейные каникулы. Оно называется Джервис-Бэй. Ездили туда на каждое Рождество, когда мне было от девяти до двенадцати лет. В некотором отношении те годы были лучшей частью… самой настоящей частью моей жизни.

Меня пробрал озноб. Несколько секунд назад я думала то же самое; то, что годы, прошедшие до моего девятилетия – до того, как умерла моя мама, – были лучшей, самой реальной частью моей жизни. Я даже упомянула об этом в беседе с журналистом, который потом написал статью о «Безутешной наследнице Хартли». Тот журналист потерял собственного ребенка и хорошо понимал меня. Теперь я смотрела в младенчески-голубые глаза Мартина, охваченная воспоминаниями.

– Что такое? – заботливо спросил он. – Вы выглядите так, как будто призрак прошел над вашей могилой.

– Ничего. Просто… вы как будто прочитали мои мысли, – я улыбнулась, ощущая крепнущее сродство с этим дружелюбным, привлекательным, внимательным и обаятельным мужчиной, разделявшим мои чувства. – Я уже не раз думала то же самое. Вы расскажете мне об этих праздниках? – Я медленно потягивала вино, приготовившись внимательно слушать; после вечера, щедро сдобренного выпивкой, последние остатки моей сдержанности испарились. – Почему они были такими радостными?

– Ох. Наверное, потому, что я тогда хорошо ладил с отцом, прежде чем разочаровал его.

Мой пульс участился.

– Понимаю, это звучит безумно, – сказал он.

– Нет, я понимаю. Правда, понимаю. Как насчет братьев и сестер?

– Старший брат и старшая сестра. Я младшенький, – он сокрушенно улыбнулся. – И, как выяснилось, стал главным разочарованием для семьи.

– Почему?

Мартин откинулся на спинку кресла, баюкая свой бокал в ладонях.

– Все члены моей семьи являются – или были – чрезвычайно спортивными людьми. Славными образцами человеческого рода. Моя сестра была звездой теннисного спорта на уровне штата, прежде чем стала корпоративной управляющей. Мой брат играл в регби. Он мог бы

далеко пойти на профессиональном поприще, если бы не инцидент на яхте, вину за который возложили на меня.

– Что случилось?

– Я ослушался «капитана», которым был мой отец. Мы выходили из устья реки, и большие волны начали размывать песчаную косу, сформированную в приливном эстуарии. При разрушении песчаной отмели важнее всего правильно рассчитать время. Так происходит большинство несчастных случаев в яхтинге: на входе в гавань или на выходе из нее во время разрушения защитного барьера. В результате яхта врезалась в набегавшую волну, нос резко взлетел в воздух, и судно опрокинулось назад. Мой брат упал и сломал спину.

Лицо Мартина и его голос изменились, когда он рассказывал об этом. Он испытывал душевную боль, которая так и не нашла выхода. У меня защемило сердце.

– Так или иначе… Мой брат Джереми в конце концов выздоровел, но он больше не мог играть в регби. Он занялся строительством вместе с отцом, и мой папаша отдавал ему все: время, деньги, любовь… – его голос затих.

– Чтобы загладить вину?

Мартин сделал еще один глоток.

– Думаю, отчасти это так. А еще для того, чтобы сформировать Джереми по своему образу и подобию, снабдить его всем необходимым, чтобы он мог стать наследником империи. Меня, так сказать, отлучили от отца. Что бы я ни делал, я не мог заслужить его одобрение. Бог знает, что я пробовал одну безумную схему за другой, лишь бы добиться его внимания. В итоге я все портил, – он невесело рассмеялся. – Я был недомерком, маленькой черной овцой. Слишком упитанным и неповоротливым, вовсе не спортивным, не рельефным красавцем и не таким высоким, как они. Включая мою маму.

Но мне нравился этот недомерок. Во всяком случае, мне нравился человек, в которого он вырос. Так или иначе, я никогда не испытывала склонности к безупречным чертам или к стальным мышцам худощавых любителей триатлона.

– В итоге я уехал из Австралии после девятнадцати лет и с тех пор практически не оглядывался назад.

– Но вы занялись строительным бизнесом, как и ваш отец, – сказала я. – И у вас есть проект строительства речного комплекса с яхтенным причалом.

Он снова рассмеялся, на этот раз добродушно. От него исходила доброжелательность и ощущение увлеченности.

– Да, зачетное туше, – сказал он с характерной австралийской растяжкой. – Мой любимый проект. Мне следовало бы сказать, что я не оглядывался назад, пока меня снова не потянуло туда в позапрошлом году. Я понял, что по-прежнему тоскую по берегу, где мы проводили потрясающие семейные каникулы. Может быть, это ребенок во мне, – он допил вино. – А может быть, это потому, что мой брат попытался выкупить эту землю под застройку несколько лет назад, но так и не смог застроить ее.

Я приподняла брови.

– Значит, это расплата?

– Нет. Скорее, так: «Я покажу вам, что вы зря считаете меня неудачником. Джереми не смог, а я смогу».

– Глядя на вас, трудно увидеть неудачника, Мартин, – я потянулась за бокалом.

Что-то изменилось в его лице. Его взгляд столкнулся с моим. Воздух между нами сгустился, и я почувствовала нарастающее тепло в нижней части живота.

Он отвел глаза и покашлял.

– Ну да, возможно, это еще один подпольный способ, с помощью которого мальчишка пытается добиться внимания отца. Но это чертовски хороший проект. Впрочем, достаточно обо мне. Расскажите мне о себе, Элли Тайлер.

И я рассказала. Я сказала, что работала иллюстратором детских книг по свободным контрактам. Разведенная, потому что мой брак сложился неудачно. Я сказала, что собираюсь переехать в городскую квартиру после продажи нашего большого опустевшего дома на Северном Берегу. Я воздержалась от упоминания о Хлое и не стала рассказывать о моем отце. Мне все еще нужно было защищать эти подробности моей жизни. Я усвоила жесткие уроки и теперь хотела, чтобы новые люди узнали меня – настоящую меня, – прежде чем они могут посчитать меня побочным продуктом империи Хартли. Самым замечательным в Мартине было его умение слушать. Он уделял мне нераздельное внимание, как будто в данный момент это было для него самой важной вещью на свете, здесь, в теплом коконе уютного бара.

– Стало быть, вы живете в Торонто? – спросила я.

– Это моя штаб-квартира, но я *очень много* путешествую. Сейчас я участвую в нескольких строительных проектах в Европе, в Испании и в Португалии. А также в Турции и на Кайкосе[6]. Я даже собираюсь кое-что затеять на островах Кука. В отсутствие жены и детей я еду туда, куда меня зовет работа.

Надежда разгорелась еще жарче. И алкоголь в достаточной мере развязал мне язык, чтобы сказать:

– Такой мужчина, как вы, и без жены? Тогда вы одержимый.

– До недавних пор у меня были долгие отношения с одной женщиной. Но я так и не женился на ней. А теперь все кончено.

– Мне очень жаль.

– Не надо. Я… – он замешкался, и в его глазах промелькнуло какое-то неопределенное чувство. – Я хотел иметь семью. Хотел иметь детей. Хотел устроить традиционную, свадьбу, всю в белом, с торжественными клятвами. Но она не захотела. Вот так просто. А когда я начал настаивать на своем… – он замолчал и поправил свой галстук. Я почувствовала себя немного виноватой за то, что надавила на него. Настроение было испорчено.

– В конце концов, я не был ее идеальным избранником, вот и все. Думаю, где-то глубоко внутри она оставила запасные варианты. – Он сменил тему: – А что привело вас сегодня вечером на конференцию «Агора»?

– Всего лишь встреча со старой доброй подругой из художественного колледжа.

– Для такого события нужны высокие каблуки.

– Серьезные каблуки, – я рассмеялась. – Вам известно, что женщины наряжаются ради того, чтобы произвести впечатление на других женщин.

– А как насчет вашей семьи; у вас есть близкие родственники?

Я покачала головой.

Несколько секунд он молча смотрел на меня. Его взгляд был таким напряженным и откровенным, что он как будто запустил руку мне под блузку и ощупал кожу. И мне почти захотелось, чтобы так и вышло. Я невольно подалась вперед. Он понизил голос до шепота, и это еще сильнее возбудило меня.

– Я еще никогда не встречался с иллюстратором детских книг. Я знаком с множеством людей, но ни один из них не оживляет книги для детей.

Я достала телефон и показала ему кое-какие работы. Мы сблизили головы. Я чувствовала запах его лосьона для бритья. Я ощущала его дыхание на моей щеке.

– Причудливо, но прекрасно, Элли, – его пальцы коснулись моих, когда он вернул телефон. Он посмотрел на меня. Действительно посмотрел – этот мужчина, который хотел завести детей. Который мечтал о традиционных свадебных обетах. Который любил семейные выходные дни на морском берегу. – Действительно, замечательные вещи, – прошептал он. – Как вы занялись этой работой?

---

[6] Остров, входящий в состав Багамских островов (прим. пер.).

Я кашлянула.

– У меня есть ученая степень в изящных искусствах и литературе, и я получила дополнительное образование в художественном колледже. У меня были серьезные намерения устраивать художественные выставки, продавать мои работы, и так далее. Но я обнаружила, что люблю книжную иллюстрацию, особенно детскую, поэтому я… Мне нравится свобода, которую предлагает фриланс; мне нравится путешествовать и посещать разные места.

Мое сердце забилось быстрее. Меня вдруг охватило жаркое, радостное волнение. Я только что приняла решение: да, я хочу путешествовать. Мне была нужна гибкость и подвижность. *Это* была моя новая история. Мой выбор, мои решения. Отважная Элли.

– И никаких длительных отношений, никаких детей?

Бах. Его слова опрокинули меня, как яхту, о которой он рассказывал.

Я попыталась улыбнуться, но мои губы отказывались подчиняться.

– Я… мне пора идти, – я потянулась за сумочкой, лежавшей внизу.

Он накрыл мою руку ладонью.

– Это обязательно?

Он что, ожидал секса? Рассердится ли он, если я скажу «нет»?

– Мне нужно попасть домой. Завтра утром у меня срочное дело.

Он задумался, потом быстро достал ручку из кармана и написал номер на бумажной салфетке.

– Мне было очень приятно побеседовать с вами, Элли Тайлер.

В его голосе не было даже тени разочарования, и это еще больше расположило меня к нему. Мартин Крессуэлл-Смит мог стать моим другом. И я осознала, что на самом деле хотела бы иметь секс с ним. Я хотела этого, и очень сильно.

– Но наш разговор был недолгим, и мне действительно хотелось бы еще раз встретиться с вами, – он протянул мне салфетку. – Вот мой мобильный телефон. Позвоните, пожалуйста.

Никакой угрозы. Выбор оставался за мной. Я могла позвонить, а могла и не позвонить. Могла просто выбросить эту салфетку в мусорное ведро по пути на улицу. Или сохранить ее. Я взяла салфетку, и когда наши пальцы соприкоснулись, вдоль моего позвоночника пробежала дрожь.

Я снова откашлялась.

– Вы собираетесь еще какое-то время быть в городе?

– Еще четыре дня в этом отеле. Я выписываюсь в понедельник. Но серьезно, Элли, позвоните мне. В любое время. Как я уже говорил, мне приходится много путешествовать, – он помедлил, удерживая мой взгляд. – Но я могу работать и дистанционно.

Эти слова повисли в воздухе между нами – примитивная эктоплазменная субстанция мерцающей надежды на будущее. Я убрала салфетку в сумочку.

Он подозвал официанта. Я видел, как он подписал счет и оформил оплату на свой номер. Поднявшись на ноги, я слегка покачнулась. Он помог мне надеть пальто и аккуратно подложил руку мне на поясницу, провожая меня в вестибюль. Давление его ладони было мягким, но властным. Одновременно сексуальным и доброжелательным.

Он вышел со мной на улицу и убедился, что я взяла такси. Усевшись на теплом заднем сиденье, я смотрела, как он машет мне на прощание от двери отеля. Когда автомобиль тронулся с места, я приложила ладонь к холодному стеклу и стала смотреть на медленно падающие снежинки, ощущая себя героиней романтического кинофильма.

– Куда ехать? – спросил водитель.

Домой.

Я назвала свой адрес.

Только это место больше не кажется домом.

Через несколько секунд мы остановились перед красным сигналом светофора. Я оглянулась на освещенный вход отеля через падающий снег: Мартин вошел внутрь и стоял в вестибюле, разговаривая с мужчиной и женщиной. Во мне зашевелилось смутное воспоминание. Мартин что-то сказал, и его собеседники рассмеялись. Потом мужчина отошел в сторону, а женщина вместе с Мартином направилась к лифтовому холлу. Тут до меня дошло: это была женщина, которая раньше сидела за стойкой бара «Маллард». Или нет?

Мои мысли путались, и я была охвачена сомнениями.

Загорелся зеленый свет, и автомобиль пришел в движение.

– Подождите! – крикнула я водителю. – Остановитесь!

Он резко затормозил. Я распахнула дверь, выбралась на улицу и аккуратно побежала на высоких каблуках ко входу в отель.

– Эй! – возмущенно крикнул водитель мне вслед. Я не обратила на него внимания и протолкалась внутрь через вращающуюся дверь с сильно бьющимся сердцем.

Раньше
Лоцца

18 ноября, более одного года назад.

Агнес-Бэзин, Новый Южный Уэльс

Теплая дождевая вода стекала по шее Лоццы, пока она сидела на корточках в темноте и делала фотографии. Вспышка ее камеры с жуткой резкостью высвечивала фрагменты плавающего трупа. Белая кожа на фоне черной воды, пустые глазницы, безносое лицо, распахнутый безгубый рот. Она щелкала, вспышка работала. Ее мысли вращались вокруг слов, услышанных незадолго до того, как они получили тревожный звонок.

«Элли не такая, как может показаться… Такие женщины могут быть наиболее опасны, когда их предают или подставляют, потому что вы меньше всего ожидаете этого. Они могут быть смертоносными. Вам известно, что она заколола своего бывшего мужа?…»

Само количество колющих ран на теле мертвеца – около пятнадцати, а возможно, и больше, – свидетельствовало о ярости и необузданном насилии. Это была жгучая ненависть, потому что человеку не нужно наносить столько ранений, чтобы убить его. Но веревки и обрубленные пальцы… было ли это следами обдуманной пытки? Садизма? И почему на нем нет штанов? Где яхта? Как он попал сюда, в этот канал?

Все казалось бессмысленным.

Лоцца поднялась на ноги и подождала, пока Грег не перестал блевать. Тучи комаров клубились вокруг них. Шел мерный дождь, и струйка воды стекала с козырька ее полицейской фуражки.

– Ты в порядке? – спросила она.

Он кивнул; его лицо было призрачно-бледным в свете ее фонарика.

– Давай вернемся к катеру.

Лоцца набрала номер. Прием был плохим, но она смогла дозвониться. Описав полукруг, они вернулись к полицейскому катеру.

Барни сидел под брезентовым навесом. Дождь серебристыми ручейками стекал по кителю Макгонигла.

– Расчетное время прибытия криминалистов и детектива из отдела убийств составляет около двух часов, – сказала Лоцца. – Нам нужно заблокировать доступ для посторонних, потом ждать, – она повернулась к Барни: – В конце причала есть заросшая тропа. Куда она ведет?

– К заброшенному поместью, – сказал Барни. – Строители «Речного вокзала Агнес» воздвигли кое-какие леса возле старого дома. Там хотели возвести обзорную платформу для перспективных покупателей, чтобы они могли любоваться видами после строительства гостиницы и коттеджей.

Лоцца повернулась к Грегу.

– Огороди ближайшую площадку полицейской лентой, – велела она. – Мы можем расширить кордон, когда получим лучшее представление о масштабе этой сцены. Я собираюсь пройти по тропе. Покойник где-то потерял свои пальцы. Держу пари, что он утонул не здесь, но был убит где-то еще, а потом кто-то постарался избавиться от него в канале, полном илистых крабов, – она повернулась к Барни: – Не желаете ли показать мне дорогу к этому старому фермерскому дому?

Прогремел гром, и дождь полил с удвоенной силой. Вода отскакивала от реки почти на полметра, создавая мерцающий серебристый котел, пока белые отблески молний плясали на мангровом болоте.

Лоцца оставила Мака сторожить судно и рацию, а Грег начал разматывать сине-белую ленту вокруг предполагаемого места преступления. Она медленно пробиралась по узкой и темной тропе через путаницу древесных стволов. Мокрая паутина качнулась ей прямо в лицо; она вздрогнула, стерла влажные нити и продолжала путь. Стебли камыша чавкали под ногами, ветки цеплялись за ее форменную куртку.

Поперек тропы пробежала ящерица размером с собаку. Лоцца замерла и глубоко подышала, прежде чем идти дальше.

Время от времени вспыхивали молнии, сопровождаемые громовым треском, и в одной из таких вспышек она увидела дом. Теперь грохотало где-то вдалеке, лес снова почернел, но дождь пошел еще сильнее, создавая маленькие реки прямо в болоте. Лоцца осторожно продвигалась по мокрой тропе, пока не подошла к полуразрушенному зданию.

Это был одноэтажный дом со старой жестяной крышей, выбивавшей глухую дробь под дождем. Крытая веранда шла по его периметру. Моментальная вспышка молнии высветила силуэт низкого здания на фоне узловатых стволов деревьев.

Лоцца подошла к парадной двери. Крыльцо сгнило, и дверь болталась на проржавевших петлях. Она со скрипом открыла ее.

Летучая мышь стремглав вылетела наружу, и она едва успела уклониться. Когти крылатого существа на мгновение зацепились за ее волосы и фуражку, прежде чем мышь с протяжным верещанием и хлопаньем крыльев исчезла в болоте. Сердце Лоццы билось, как кузнечный молот. Он вошла в дом. Там было очень душно, пахло мочой, экскрементами и чем-то похуже. Вроде гнилого мяса. Она обвела комнату лучом фонарика и увидела сломанный стол. Два стула с металлическими ножками. Кухонный уголок со старой плитой. Она сделала еще несколько шагов; жара и вонь только усилились. Лоцца закрыла нос и рот ладонью. Дождь гремел по старой гофрированной крыше и капал через ржавые дыры, собираясь в лужи на полу.

Лоцца вошла в комнату в конце коридора. Ее зрению нужно было привыкнуть, чтобы разобраться в том, что она видит.

Стул посреди комнаты. Рядом валяется мужская пляжная туфля. С деревянного бруса под потолком свисает веревка, обвитая вокруг стула. Другие веревки, желто-голубые, как полипропиленовый шнур, обмотанный вокруг лодыжек плавучего трупа. Голые деревянные доски под стулом были заляпаны темными пятнами.

Кровь?

Моча?

Лоцца подняла голову и провела лучом вдоль балки крыши, где были привязаны веревки. Ужас медленно закрадывался в ее душу. Она медленно вошла в комнату, и воздух вокруг нее встрепенулся, поднимая колышущиеся обрывки паутины. Вонь стала почти нестерпимой. Она нацелила фонарик в угол и увидела кучу экскрементов.

Человеческие?

Она осторожно приблизилась. Рядом с кучей фекалий валялись скомканные рабочие брюки с карманами на коленях и некогда белые мужские боксерские трусы. Штаны были пропитаны кровью, а трусы запачканы человеческими экскрементами. Она направила фонарик обратно на стул и застыла, когда увидела нечто возле дальней стены.

Лоцца мелкими шагами подошла туда. Половицы скрипели под ее сапогами. Мимо пробежал геккон, и какое-то существо крикнуло снаружи. Она присела, по-прежнему закрывая ладонью нос и рот.

Три отсутствующих пальца лежали рядом с секатором для стрижки кустов. На ручке секатора было выгравировано название яхты Крессуэлл-Смитов: «Абракадабра».

Лоцца медленно поднялась на ноги. Она начала пятиться, не желая тревожить это место. Каблук ее сапога зацепился за какой-то предмет, развернувшийся и покатившийся по деревянному полу. Она махнула фонариком в ту сторону. Нож. Нож для разделки рыбы. Окровавленный. А за ним еще одна куча одежды.

Лоцца медленно пошла по скрипучим половицам, ощущая трепетную дрожь в горле. Она опустилась на корточки перед кучей и посветила туда. Синяя ветровка и голубая бейсбольная кепка с логотипом Nike. Окровавленная. Товарный ярлык на воротнике ветровки был вполне различимым.

Канадский спортивный туризм

Куртка была из Канады.

Лоцца подумала об Элли, о ее мягком канадском акценте и больших ласковых глазах.

«Надеюсь, ты не найдешь его. А если найдешь, то надеюсь, что он мертв и страдал перед смертью».

Она подумала о свидетелях, которые видели, как Элли и Мартин выходят в море на яхте. Элли носила синюю ветровку и голубую бейсболку; темный хвост ее волос развевался на утреннем ветру, слишком сильном для хорошей рыбалки. Элли возвращалась домой.

Лоцца осторожно взяла кепку рукой в перчатке и пристально изучила ее в свете фонарика. Несколько длинных и темных, почти черных, волос прилипли к регулируемой липкой застежке на заднике.

Прогремел гром. Лоцца застыла и подняла голову. Свет молнии ворвался в разбитые окна, превращая эту комнату ужасов в ее контрастное черно-белое подобие. Ей стало тошно.

Она аккуратно вернула бейсболку на прежнее место. Потом рывком поднялась на ноги и вышла из комнаты тем же путем, которым вошла туда.

Раньше
Элли

9 января, более двух лет назад.

Ванкувер, Британская Колумбия

Я помчалась к лифтовому холлу, резко свернула за угол и увидела, как Мартин заходит в лифт. Женщина уходила от него. Меня охватило мгновенное облегчение; мысль о том, что он мог уединиться с этой привлекательной деловой дамой из бара «Маллард», просто наэлектризовала меня. Я больше не могла ждать. Мне нужно было хватать моменты обеими руками и выдавливать из них живительные соки, прежде чем кто-либо успеет отобрать их у меня.

Двери лифта начали закрываться.

– Стойте! – я ринулась вперед.

Мартин увидел меня, и на его лице отразилось потрясение. Он сунул руку в дверь лифта и остановил ее. Его взгляд бы прикован к моим глазам.

– Элли?

Я учащенно дышала, одновременно испуганная и торжествующая. Мое сердце парило в восходящих потоках адреналина. Я видела, что он один в кабине лифта.

– Что случилось, Элли?

Краешком глаза я заметила, что брюнетка остановилась и оглянулась. Мною овладело секундное сомнение. Но потом женщина повернулась и исчезла за углом.

Я вошла в лифт и приложила ладонь к его щеке. Его глаза потемнели, лицо слегка исказилось от невысказанного желания.

– Элли? – прошептал он.

Я подалась вперед и прижалась к его губам. Двери лифта закрылись. Его дыхание участилось. Он ухватил меня за шею, впившись пальцами в волосы на затылке, и притянул меня к себе. Его губы прижались к моим. Другой рукой он стукнул кнопку верхнего этажа. Я потянулась к его ремню, и он принялся расстегивать его.

Он провел рукой по моему бедру и запустил ее под платье-свитер. Лифт пошел вверх, мягко набирая скорость.

Его тело было мощным, с крупными бедрами. Он погрузил колено мне между ног. Его губы властно раскрыли мой рот, и его язык переплелся с моим. От него пахло портвейном. Он ухватил мои ягодицы и рывком прижался ко мне. Я ощущала его эрекцию у себя в паху. Перед моими глазами поплыли алые и черные пятна, когда он сунул руку мне в трусики и обхватил меня снизу. Я растаяла под его прикосновением. Тихий стон сорвался с моих губ, когда он погрузил палец в меня. Мой мозг вспыхнул в головокружительном калейдоскопе наслаждения. Он совал жестче, глубже, все сильнее целуя меня. Я забылась в ослепительных ощущениях, думая лишь о том, что могу взорваться от наслаждения, нараставшего внутри.

Я лихорадочно спустила его брюки.

Он двигался быстро.

Наш секс был животным. Первобытным.

Я ахнула, когда он вошел в меня, и уперлась рукой в зеркальную стенку лифта. Я извивалась и стонала, пока он не кончил во мне. Я не могла дышать. Меня словно ослепило.

Звякнул лифтовый звонок.

Я моргнула. Мы приехали на тридцать третий этаж, и двери начали открываться.

Он поспешно убрал свой член в брюки. Когда двери раскрылись, я оправила платье. Мои руки тряслись. Он смотрел мне в глаза, пока застегивал брюки. Напряженно, как волк. Секс с Мартином был волчьей трапезой.

Слава богу, снаружи никого не было. Мартин вышел из лифта и огляделся по сторонам в приглушенном свете. Коридор был пуст. Он повернулся ко мне и протянул руку.

– Пошли, – прошептал он. Его глаза были темными омутами; расширенные зрачки поглотили голубую радужку.

– Пойдем ко мне в номер, Элли, – сказал он.

Мои губы покалывало. Внутри все было влажным и расслабленным. Меня снова окатила жаркая волна возбуждения. Я чувствовала себя могущественной.

– Проведи эту ночь со мной, Элли.

Пожилая пара приближалась к нам по коридору. Они вошли в лифт, а я по-прежнему стояла внутри. До меня вдруг дошло, что я натворила. Во мне всколыхнулась первобытная паника. Что здесь только что случилось? Я мельком увидела себя в зеркале лифта. Искаженный образ: смазанные тени для век, растрепанные волосы, зацелованные губы. Скособоченное платье.

Другая Элли – новая Элли, могущественная Элли Тайлер – была выпущена на волю, и я была не вполне готова разобраться с побочным ущербом, который она причинила моему старому представлению о себе.

Я выдавила улыбку, больше похожую на гримасу, одновременно устрашенная и воодушевленная моим безрассудным поведением. Мне нужно было переварить случившееся. Пожилой джентльмен нажал на кнопку первого этажа. Он смотрел на меня.

– Я… мне нужно подумать, – обратилась я к Мартину, который ждал перед лифтом, протягивая мне руку. Двери начали закрываться.

– Эл…

Двери закрылись. Я услышала, как он стукнул по металлу и крикнул: «Позвони мне!»

Лифт начал опускаться: вниз, вниз, вниз. Я ощущала его запах на мне. Чуяла запах секса в кабине лифта. Зеркало до сих пор было затуманено от моего жаркого дыхания. Пожилые супруги обменялись взглядом и отодвинулись подальше от меня. Лифт остановился на одном из нижних этажей, и вошел мужчина. Он сразу же уставился на меня, и я внезапно преисполнилась стыдом и отвращением к себе. Он тоже чуял запах секса вокруг меня, я была уверена в этом. Он похотливо разглядывал меня. Вместе с клаустрофобией ко мне подступило старое ощущение паранойи, как будто все наблюдали за мной, что-то знали обо мне, перешептывались за моей спиной, насмешничали и отпускали непристойные шутки…

Плохая мать.

Шлюха.

Сирена.

Пассивная.

Агрессивная.

Сумасбродная.

Умственно нестабильная.

Вы знаете, что она заколола своего бывшего мужа?

Два лица одной женщины. Хорошая Элли – плохая Элли. Слабая Элли – сильная Элли.

Лифт остановился внизу, и двери начали открываться. Я протиснулась в щель, прежде чем они успели открыться, и поспешно направилась к выходу.

– Эй! – окликнул сзади мужской голос.

Я обернулась.

– Вы кое-что уронили, – он размашистым шагом подошел ко мне и протянул блестящий предмет, лежавший у него на ладони. Золотую запонку Мартина с инициалами MCS.

Я молча забрала запонку и побежала к двери отеля.

Когда я вернулась домой, то почувствовала себя немного лучше. Я налила горячую ванну и приняла таблетку ативана[7], чтобы успокоить голоса, снова зашумевшие у меня в голове. Я винила в этом моего отца; он включил эту реакцию. Больше мне не нужно принимать таблеток.

Я опустилась в ароматную воду с пузырьками и позволила теплу поглотить меня. Закрыла глаза и стала переживать секс с Мартином.

Потрогав себя между ног, я улыбнулась. Не было никакой надобности испытывать стыд.

Измени свою историю, Элли.

Я больше не была женой Дуга. Этот дом больше не будет моим домом. Я не была матерью Хлои. Я переезжала в город. Свободная городская женщина.

«Я очень много путешествую. Но я могу работать дистанционно».

Я могла быть любовницей Мартина. Его подругой.

«Но отнесешься ли ты ко мне серьезно, Мартин Крессуэлл-Смит, или ты просто занимаешься этим в перерывах между твоими многочисленными поездками?»

Я погрузилась в горячую воду и задержала дыхание. Я часто так делала после того, как утонула Хлоя, просто пытаясь представить, что чувствовала моя бедная малышка.

Но, разумеется, я вынырнула, хватая ртом воздух и отводя мокрые волосы, облепившие лицо.

[7] Торговое название лоразепама. Седативное, снотворное, релаксирующее средство (прим. пер.).

Раньше
Элли

10 января, более двух лет назад.

Ванкувер, Британская Колумбия

Я проснулась с ощущением чего-то… другого. В голове гудело, во рту стоял кислый привкус похмелья. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы реальность вчерашних событий ворвалась в мой разум.

Я резко выпрямилась.

Мартин. Незнакомец. Секс в лифте отеля.

Я поспешно встала и приготовила кофе в кофеварке Nespresso, которую оставила неубранной. Потягивая горячий кофе, я смотрела на сад. Хвойные деревья тяжеловесно раскачивались под порывами ветра. Цветочные клумбы торчали мертвыми макушками на фоне безлистных ягодных кустарников. Мысли о сексе с Мартином накладывались на воспоминания о Дуге, подносившем маленькую Хлою ко рту и рычавшем, как медведь. Хихиканье Хлои.

Захваченная глубиной этого образа, я грустно улыбнулась своему отражению в оконном стекле. Воспоминание было мягким, как кашемировое пальто. Знакомым и утешительным. И тут до меня дошло: я могла справляться с воспоминаниями! Я могла испытывать печаль и одновременно улыбаться. Я *не нуждалась* в лекарствах. Я наконец-то вышла из беспросветного тоннеля моего горя. У меня даже был секс с новым мужчиной.

Было ли это завершением моих страданий? Не бороться с утратой, но жить с ней. В новом месте. Лелеять свои воспоминания и в то же время думать о завтрашнем дне… и надеяться?

Я потянулась к сумочке и нашла салфетку с номером Мартина. Потом взяла телефон, нервно отложила его в сторону и пошла в душ. Когда я сушила волосы феном, то снова взяла телефон.

И снова отложила его.

Причесываясь, я думала о его словах.

«Я останусь в отеле еще четыре дня. Выписываюсь в понедельник. Серьезно, Элли, позвоните мне. В любое время… Я могу работать дистанционно».

Что, если я не позвоню? У него нет моего номера. Мы будем как корабли, которые разошлись в ночи.

Какое-то мгновение мне хотелось, чтобы я оставила ему свой номер. Тогда решение оставалось бы за ним.

Но так не случилось. Я бродила по дому, заставленному коробками, вертя в руке его золотую запонку. Это был знак. Я сделала глубокий вдох и позвонила ему.

После пятого гудка я услышала его голос:

– Вы позвонили Мартину Крессуэлл-Смиту. Сейчас я не могу ответить на звонок. Пожалуйста, оставьте сообщение, и я перезвоню вам, как только смогу.

Я дала отбой, слегка дрожа от пьянящего нервного возбуждения.

Приехали грузчики, и я ушла позавтракать, пока они переносили коробки в грузовой фургон. Сидя в кофейне, я погуглила имя и фамилию Мартина. Разумеется, я это сделала, – а кто бы не сделал? У него был профиль в LinkedIn, где говорилось, что он владеет частной строительной компанией CW Properties International. По ссылке я перешла на сайт компании

с его биографией. Сайт выглядел прилизанным и упорядоченным. Он включал портфолио из его завершенных, осуществляемых и запланированных проектов. Фотографии его команд по продажам со всего мира. Фотография Мартина, сидевшего за массивным стеклянным столом в просторном офисе в Торонто, с превосходным видом на городской ландшафт. Контактная информация. У него не было профилей в социальных сетях, и мне это понравилось. Для меня это было признаком профессионализма и благоразумия. Я расширила поиск по фамилии Крессуэлл-Смит в Австралии, и появилась ссылка на историю о Джереми Крессуэлл-Смите. Брат, о котором говорил Мартин, – бывший игрок в регби и сын Малькольма Крессуэлл-Смита. Теперь у меня было имя его отца.

Я провела поиск по Малькольму Крессуэлл-Смиту и прошла по ссылкам на сайт компании, где обнаружила газетные статьи и сводки новостей о строительстве торговых центров и другой недвижимости. Потом я нашла большую статью о Малькольме Крессуэлл-Смите в деловом журнале. Судя по дате, Малькольм отошел от бизнеса несколько лет назад. Он жил со своей женой на лошадиной ферме в Хантер-Вэлли, недалеко от Сиднея. Его сын Джереми управлял компанией Smith amp;Cresswell Properties, а его дочь Паулина Радд занималась маркетингом и входила в совет директоров компании. Ни одного упоминания о Мартине.

Я выпрямилась и посмотрела в окно. Пешеходы, проходившие мимо кофейни, кутались в пальто и выставляли зонтики, защищаясь от мокрого снега. Значит, Мартин подвергся семейному остракизму… как он и говорил.

Во мне шевельнулась жалость к нему.

Я снова набрала его номер и получила то же самое сообщение.

Выходя из кофейни, я подумала, что, по крайней мере, после двух пропущенных звонков у него есть мой номер. Он может позвонить мне. Я была уверена, что он так и сделает.

Но три дня спустя, когда Дана пришла в мою новую квартиру, чтобы распить бутылку вина в честь новоселья, Мартин так и не позвонил.

Раньше
Элли

13 января, более двух лет назад.

Ванкувер, Британская Колумбия

– В *лифте?* Должно быть, ты меня разыгрываешь.

Я покачала головой.

– Ну ты и даешь, Элли.

– Знаю. Это самый рискованный поступок в моей жизни.

Дана рассмеялась и взяла свой бокал.

– Тогда за рискованные поступки!

Мы откупорили вторую бутылку вина и теперь сидели на балконе в пуховиках и унтах, с работающим выносным обогревателем. Снаружи, в январской тьме, шел мокрый снег, перемешанный с дождем. Я рассказала ей о знакомстве с Мартином. О том, как я проверила и подтвердила его личность и род занятий.

– Выглядит слишком хорошо, чтобы оказаться правдой, – заметила Дана.

– Да, я понимаю.

– Может быть, он… я имею в виду, это он слишком хорош, чтобы оказаться нормальным мужиком.

Я пожала плечами:

– Все это может закончиться ничем. Но мне противно, что я звонила ему. Чувствую себя дешевкой. Глупо было думать, что он захочет снова встретиться со мной, – я отпила вина. – Мне следовало бы знать, но это просто… надежда, понимаешь? Что будет какая-то искра, что случится что-то особенное.

– Эй, у тебя все идет хорошо. Возможно, у него была веская причина не отвечать на твои звонки, и даже если он не позвонит, для тебя это все равно большой шаг вперед.

– Ты так думаешь?

Она поджала губы, изображая неуверенность.

– М-мм… да, я так думаю.

Мы рассмеялись и стали радостно напиваться. Потом мы заказали пиццу, и, когда Дана уже собиралась уходить, зазвонил мой телефон. Я застыла с сильно бьющимся сердцем и посмотрела на нее.

– Отвечай!

Я полезла за телефоном. Неизвестный номер на определителе.

– Алло? – хрипло спросила я.

В трубке послышались сигналы отбоя. Я уставилась на телефон.

– Что за?…

Мы немного подождали, но никто не перезвонил.

После ухода Даны я довольно долго сидела в темноте, проводя пальцами по буквам, выгравированным на гладкой поверхности его золотой запонки.

Завтра он выпишется из отеля.

Запонка была дорогая, выполненная по индивидуальному заказу. Часть пары. Возможно, он расстроился из-за того, что потерял ее. Если я удержу ее при себе, как это будет выглядеть?

Я *должна* была вернуть ее. Нормальный человек без тараканов в голове возвращает дорогой ювелирный аксессуар его владельцу. Завтра пораньше я оставлю запонку в отеле. До того, как он выпишется. Если я встречусь с ним в вестибюле, то скажу, что пыталась дозвониться до него потому, что хотела вернуть запонку.

Я уже чувствовала себя лучше.

Раньше
Элли

14 января, более двух лет назад.

Ванкувер, Британская Колумбия

– Мисс Тайлер, приятно вас видеть, – произнес менеджер отеля «Хартли Плаза», когда я подошла к стойке регистрации в вестибюле.

Я предприняла все меры предосторожности. Мои волосы блестящей волной падали на спину, челка почти закрывала глаза. Я выбрала замечательное шерстяное пальто клюквенного цвета. Сапоги, шелковый шарф, черное кружевное белье. Я внушила себе, что это для меня; белье помогает хорошо себя чувствовать. Я не чувствовала себя «озабоченной». Это моя новая история – я была женщиной, которая носит сексуальное белье. Я всего лишь собиралась вернуть владельцу предмет, имеющий некую сентиментальную ценность.

– Что мы можем сделать для вас? – Он лебезил передо мной. Я была дочерью Стерлинга Хартли, а этот отель принадлежал ему. Я привыкла к такому поведению.

– У меня оказалась вещь, принадлежащая одному из ваших гостей. Мне хотелось бы вернуть ее до того, как он выпишется отсюда.

– Оставьте ее здесь, и мы постараемся, чтобы она…

– Я предпочла бы лично вернуть ее ему. Вы можете сказать, здесь ли он до сих пор?

Он заколебался. Две сотрудницы за регистрационной стойкой обменялись взглядом. Это было против правил. Но тем не менее я была дочерью Стерлинга Хартли.

– Я разберусь с этим, – обратился менеджер к одной из ассистенток. Он отвел меня к ее компьютеру и спросил:

– Как зовут гостя, мисс Тайлер?

– Мартин, – ответила я. – Мартин Крессуэлл-Смит.

Он постучал по клавишам.

– Никто с таким именем не зарегистрирован в нашем отеле.

– Он уже выписался?

Менеджер нахмурился и снова застучал на клавиатуре.

– В нашей системе нет никого с таким именем.

– *Вы уверены?*

– Вполне уверен.

– Возможно, вы неправильно услышали, – я написала имя Мартина на странице его блокнота, пользуясь данными, полученными от него самого и из Интернета.

– Да, я ввел это имя.

– Вы могли бы попробовать еще раз?

Он на секунду удержал мой взгляд.

– Пожалуйста.

Он подчинился моей прихоти. Между тем я осматривала вестибюль в поисках Мартина с чемоданом на колесиках.

– Мне очень жаль, мисс Тайлер.

– Но я знаю, что он был здесь.

Я видела, как он выписывает счет из бара на его номер. Мы занимались сексом в лифте на пути к его номеру.

– Мне действительно очень жаль.

Я ошарашенно посмотрела на менеджера. Я была совершенно уверена в последовательности событий. Он спустится на лифте, и я отдам ему запонку. Он скажет, что пытался перезвонить мне, что отвлекся на личную встречу… что угодно. Потом поцелует меня. Потом мы посидим за ленчем, прежде чем он отправится на свой самолет.

Порывшись в сумочке, я достала мой телефон и показала менеджеру скриншот с фотографии Мартина, сидевшего за столом в своем офисе в Торонто.

– Вы видели этого мужчину? Вероятно, он зарегистрировался под другим именем.

Менеджер странно посмотрел на меня, потом глянул на экран телефона и покачал головой. Я показала фотографию двум его сотрудницам.

– Думаю, я видела его вчера вечером, – сказала одна из них. – В баре «Маллард».

– Вы помните, кто вчера был дежурным в баре?

Она нахмурилась и взглянула на менеджера. Тот пожал плечами.

– Тони Ярески, – сказала ассистентка. – Он работает там бóльшую часть времени.

– Лысый мужчина?

– Да.

Я сразу же отправилась в «Маллард». Бар был открыт для завтрака. Тони Ярески сидел за столом в небольшом офисе за помещением бара. Он оторвался от своей работы и удивленно посмотрел на меня.

– Этот человек приходил в бар вчера вечером? – спросила я без преамбулы и показала ему фотографию Мартина.

Он посмотрел на фотографию, поднял голову и несколько секунд молча смотрел на меня.

– Да.

– Вам известно, был ли он постояльцем отеля, зарегистрированным здесь?

Тони задумчиво провел языком по губам.

– Только не лгите, – предупредила я. – Я вижу, когда кто-то собирается солгать.

Он рассмеялся мрачным, безрадостным смехом, от которого я почувствовала себя запачканной. Он как будто насмехался надо мной. В углу его офиса я заметила монитор с выводом видеоинформации от камер внутреннего наблюдения. Меня охватило тошнотворное подозрение. Есть ли в лифтах скрытые камеры внутреннего наблюдения? Вероятно, Тони и остальные сотрудники наблюдали, как я занимаюсь сексом с незнакомцем. А теперь они перешептывались у меня за спиной и всячески обзывали меня.

Дура, дура, дура. Шлюха, шлюха, шлюха.

Глупая, безрассудная женщина, раскинувшая ноги перед незнакомцем.

Знаете, она заколола своего бывшего мужа…

Госпитализирована из-за нервного срыва.

Мне вдруг захотелось оказаться подальше отсюда.

– Говорю для записи, – тихо и раздельно произнес Тони. – Я не собирался лгать, с учетом того, что любой клиент имеет право на охрану своей личной жизни. Полагаю, вы цените это?

Я сглотнула и осознала, что краснею.

Он наклонил голову, сверля меня черными глазами.

– Если вам нужны деньги… – пробормотала я.

Он резко выпрямился.

– Пожалуйста, уходите, мисс Тайлер. Мне не нужны ваши деньги.

– Но мой отец может купить вас.

Он прищурился.

– Я видела, как он разговаривал с вами. Уверена, что он заплатил вам.

– Ваш отец искал вас. Он хороший человек. Он заплатил мне за услугу.

Я помахала перед ним своим телефоном.

– Был ли этот человек на фотографии с другой женщиной? Вы считаете, что поэтому он нуждается в конфиденциальности?

– Думаю, вам лучше уйти, мисс Тайлер.

Судя по выражению лица Тони Ярески, я была уверена, что Мартин Крессуэлл-Смит был в «Малларде» с кем-то еще, скорее всего, с той женщиной, которая прошла мимо лифта. Я посмотрела на монитор службы безопасности. Я была готова поспорить, что он попал на камеру вместе с той женщиной.

– Мне нужно вернуться к работе, – сказал он.

– Да. Ну да, разумеется.

Я вышла из бара и быстро направилась к выходу из отеля. Казалось, что все следят за мной.

Забудь об этом, Элли. Двигайся дальше. Ты совершила ошибку и попала в неловкое положение. Признай, тебе хотелось быть желанной: тебе хотелось, чтобы с тобой обошлись подобным образом. Теперь все кончено.

Я подняла воротник пальто и наклонилась навстречу ветру, выходя на улицу. Но уже тогда, когда я шла по тротуару с твердым намерением оставить все позади, нечто темное и глубокое, давно запертое во мне, начало свою работу.

Суд по делу об убийстве

Досудебный сеанс криминалистической оценки

– Вы понимаете, почему находитесь здесь, Элли?

У психолога ровный и негромкий голос. Он элегантен и почти красив, на андрогинный манер. Бледная кожа, глаза кажутся наполовину прикрытыми из-за тяжелых век. Узкое, вытянутое лицо. Длинные пальцы, сужающиеся к концам. Вероятно, на ногах у него такие же пальцы. Не слишком узкие, но и не слишком полные губы. Мягкий, спокойный взгляд. Он носит шарф, возможно, купленный на непальском рынке. Он выглядит так, словно отправился в пеший поход по Гималаям и по дороге заглянул к тибетским монахам. Теперь он сидит в угловом кабинете с панорамными окнами и прекрасным естественным освещением. Тем не менее я испытываю беспокойство, чувствую какую-то ловушку.

– Я нахожусь здесь потому, что вы психолог-криминалист. Потому, что мне предстоит суд по обвинению в убийстве и моим защитникам нужно знать, могу ли я давать осознанные свидетельские показания. Потому, что на самом деле нам предстоит большая игра, не так ли? Им нужно знать, могу ли я фактически помочь стороне защиты или позорно провалюсь, особенно на перекрестном допросе.

– И что вы думаете по этому поводу? – спрашивает психолог.

– Мне не платят за то, чтобы я думала, доктор.

Он разглядывает меня. Я смотрю на часы и бросаю взгляд на дверь. С каждой секундой я закручиваю гайки, опасаясь, что он собирается проникнуть мне в голову, где в темных глубинах обитают мои секреты. Никому не позволено проникать туда, даже мне самой. Я узнала, что может случиться, если открыть эти двери. Но он продолжает молчать, и это становится невыносимым.

Поэтому я заполняю пустоту, но когда открываю рот, то немедленно жалею об этом, потому что делаю как раз то, что ему нужно. Это не первое мое родео. Я ветеран терапии.

– Думаю, они хотят, чтобы присяжные увидели меня в качестве жертвы, – медленно говорю я. – Они хотят, чтобы присяжные поняли, что Мартин *делал со мной*, и пожалели меня. Чтобы они осознали, почему он заслуживал смерти.

Он морщит лоб и облизывает губы, пока делает записи. Этот сеанс также записывается на камеру. Мне нужно быть более осторожной. Передо мной в стеклянной вазочке лежат шоколадки, завернутые в золотую фольгу. Психолог видит, что я смотрю на них. Он подается вперед и подталкивает вазочку ко мне.

Я откидываюсь на спинку дивана, кладу ногу на ногу и сцепляю пальцы на колене.

– А он заслуживал?

– Чего именно?

– Смерти.

Я резко встаю и начинаю ходить по комнате. Останавливаюсь и смотрю в окно. Мы находимся на втором этаже кирпичного здания. Снаружи, на образцовой лужайке, много людей – матери и няни, присматривающие за играющими детьми. Я думаю о Хлое, складываю руки на животе и тихо говорю:

– Так или иначе, все мы умрем. Некоторые люди делают дурные вещи. Думаю, они заслуживают смерти раньше, чем другие.

Какое-то время он молчит. Я слышу, как он пишет в своем блокноте и переворачивает страницу.

– Ваша дочь тоже заслуживала смерти, Элли?

Во мне закипает ярость. Я нахожусь на волоске от того, чтобы подхватить сумочку и выйти из комнаты. Но я также понимаю, что стоит на кону: вердикт о виновности или невиновности. Это не предмет для торговли. Я должна делать все, чтобы помочь моей защите выиграть это дело.

– Она была слишком маленькой, – тихо говорю я. – Слишком невинной.

– А как насчет вашей матери?

Мое сердце замедляет ход, и я говорю:

– Моя мать умерла, когда мне было девять лет, доктор. Ее смерть не имеет отношения к этому суду.

– Это сказалось на вашей психике, Элли. Девять лет – очень ранний возраст для утраты матери. Такие события формируют нашу личность, и это имеет большое значение на суде. Все, что может быть использовано против вас, будет использовано.

«Горе может быть чудовищем, которое поглощает человека и губит его. Я это знаю. Мне говорили об этом раньше».

На лужайке за окном девочка падает с качелей. Мать бежит к ней, падает на колени, обнимает девочку и гладит ей голову, утешая ее.

Мои мысли возвращаются к Хлое. К тому, что мы могли иметь. Я думаю о том, чего не получила с моей собственной матерью. О том, как мой отец пренебрегал мною до ее смерти и даже больше – после этого. Ярость снова вскипает в животе и поднимается к пищеводу.

Психолог шевелится; я слышу, как скрипит кожаная обивка его эргономично сконструированного офисного кресла.

– Не хотите ли рассказать мне, что вы помните о смерти вашей матери, Элли? Вы были дома вместе с ней, когда она умерла от передозировки снотворного?

Я резко поворачиваюсь к нему:

– Значит, вот что они собираются сделать? Найти дыры в моей психике? Разбередить старую боль? Расстроить меня и заставить говорить то, что они хотели бы услышать, как вы делаете сейчас?

Но по выражению его лица я вижу, что моя реакция, моя отчужденность и внезапный гнев уже сказали ему большую часть того, что он хотел узнать.

Я скрываю свои тайны.

Но разве все мы не делаем этого?

Раньше
Элли

21 января, более двух лет назад.

Ванкувер, Британская Колумбия

Через неделю после моего унизительного визита в отель «Хартли Плаза» я остановилась на красный свет на городском перекрестке, отвлекшись на мысли о недавней встрече насчет возможной работы. Я несла на лямке за плечом большое прямоугольное портфолио с моими работами. На улице уже начало темнеть, и с низко нависшего неба моросил промозглый дождь. Маленькая девочка, стоявшая рядом, посмотрела на меня снизу вверх. Она наклонила голову и застенчиво улыбнулась.

Улыбка Хлои.

Мое сердце остановилось, потом как будто сложилось внутрь. У меня подогнулись колени, и я едва удержалась на ногах. Девочка крепко держалась рукой в рукавичке за руку ее матери.

Это могла быть моя дочь. Эта мать могла быть мною. Сейчас Хлое было бы пять лет… если бы она осталась в живых. Я могла бы до сих пор оставаться вместе с Дугом, в нашем старом доме. Хлоя бы только начала ходить в дошкольный класс по загородной дороге. Я могла бы стоять здесь прямо сейчас и держать ее за руку, собираясь перейти улицу и встретиться с Дугом в его юридической фирме, расположенной лишь в одном квартале отсюда. Мы бы встретились с Дугом во время его перерыва на кофе.

Светофор переключился на зеленый. Мать потянула девочку за собой, и они пошли через улицу вместе с другими пешеходами. Я не могла сдвинуться с места. Я попала в складку времени. Было так, как будто я заглянула в параллельную вселенную и увидела, какой была бы моя жизнь, если бы в тот день я не отпустила руку Хлои среди волн.

Я как-то смогла выйти на дорогу, но светофор уже переключился. Велосипедист едва не врезался в меня и вильнул в сторону оживленного движения. Автомобиль круто обогнул его и загудел.

– Чертова сука! – прокричал велосипедист через плечо. – Куда ты поперлась на красный свет?

Тяжело дыша, я попятилась на тротуар. Охваченная мгновенной паникой, я сжимала и разжимала руки в перчатках.

«Сосредоточься, Элли. Не делай этого снова; только не теряй рассудок. Все пройдет. Это был провоцирующий фактор, триггер ПТСР[8]. Твой терапевт объяснял, как это устроено».

Я развернулась и пошла по тротуару в ту сторону, откуда пришла. Никакого плана, просто шагай. Быстро. Сосредоточься на ритмичном стуке каблуков. Старайся дышать глубоко и размеренно. Я шла с опущенной головой, не глядя на лица прохожих. Щеки жарко горели. Дождь пошел сильнее, и я решила направиться в книжный магазин возле Гэстауна. Немного посидеть там. Рядом с книжным есть еще винный магазин. Потом я зайду туда и куплю домой

[8] ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство (прим. пер.).

пару бутылок. У меня еще остались таблетки; можно принять одну. Расслабиться и как следует выспаться. Завтра все придет в норму.

Я свернула за угол. И застыла.

Мужчина на тротуаре передо мной быстро шел по улице, ведущей под уклон. Мое внимание прежде всего привлекли его светлые волосы, густые и блестящие. Как маяк.

Мартин?

Он носил пальто, подогнанное по фигуре, и держал в руке чемоданчик. Люди расступались перед ним, словно он был черной акулой в море серых оттенков. Он стремительно удалялся от меня.

Мое сердце гулко забилось в груди, во рту пересохло.

Я пустилась бежать, расталкивая людей, выходивших из автобуса. Мартин свернул за угол дома и скрылся из виду. Тяжелое портфолио прыгало у меня на спине, ударяя по плечам и задевая прохожих, ругавшихся на меня.

Тяжело отдуваясь, я свернула за угол и остановилась. Моросил мелкий дождь. Потом я снова заметила его. Он находился на полквартала впереди, где тротуар был почти пустым. Я поспешила следом, даже не задумываясь о том, почему я бегу за ним или что я собираюсь сказать, когда догоню его. Если это вообще был он.

Он остановился на перекрестке передо мной в ожидании, когда проедут автомобили. Потом он повернулся и посмотрел прямо на меня.

Я замерла.

Это был он, определенно он. Я вскинула руку в перчатке. Но он глядел мимо меня, сквозь меня, и его лицо оставалось бесстрастным.

– Мартин! – крикнула я и помахала рукой. – Мартин!

Он оглянулся через плечо, словно недоумевая, к кому я обращаюсь. Потом пересек улицу и исчез у входа в подземную автостоянку.

Потрясенная, я медленно опустила руку. Я была уверена, что это он. Или… может быть, я ошибалась?

Я поспешила вперед и остановилась возле края бетонного пандуса, ведущего в темные недра автостоянки. Оттуда пахну́ло холодом и сыростью. Немного помешкав, я спустилась по пандусу на первый подземный уровень и обогнула выпуклую бетонную стену. Оттуда я могла видеть через проем второй подземный уровень. *Мартин*. Он остановился рядом с «Субару Кросстрек» оранжевого цвета. Я уже собиралась спуститься дальше, когда дверь «субару» распахнулась со стороны водителя.

Женщина вышла наружу. Я не видела ее лица. Она носила теплую шерстяную шляпу и шарф, скрывавший ее подбородок. Ее фигура была закутана в пуховое пальто, к тому же свет был очень тусклым. Она поцеловала его, и он положил руку ей на поясницу. Воспоминание о Мартине, точно так же прикасавшемся ко мне, обожгло меня, как огнем. Я попыталась сглотнуть, но не смогла. Женщина обошла вокруг автомобиля и заняла пассажирское место. Дверь захлопнулась. Мартин положил свой чемоданчик на заднее сиденье, уселся в кресло водителя и включил двигатель.

У меня голова шла кругом. На прошлой неделе он сказал, что покидает Ванкувер в понедельник. Менеджер отеля заявил, что человек с таким именем не регистрировался в «Хартли Плаза». Но я видела, как он записал счет в пабе на свой номер. Неужели я схожу с ума?

Автомобиль задним ходом выехал с парковочного места, а затем покатился вперед, направляясь к выезду на улицу. Я запаниковала, оглядываясь по сторонам в поисках укрытия. Дверь справа от меня вела на лестницу. Я открыла ее и вошла внутрь. Когда дверь начала медленно закрываться, «субару» проехал мимо. Мартин смотрел в окошко. Я вжалась спиной в стену, но он увидел меня в дверном проеме. Автомобиль уехал, дверь закрылась.

Я с трудом перевела дух. Возможно, мне это почудилось? Нет. Должно быть, это кто-то еще, а не Мартин. Не доброжелательный австралийский строитель, ищущий спонсора для своего амбициозного проекта в Новом Южном Уэльсе. Не тот мужчина, который любил детей и был так внимателен… мужчина, с которым я занималась сексом в лифте.

Я жестко потерла лицо ладонями.

Ошибка, не более того. Я совершила ошибку. Этот мужчина был похож на Мартина Крессуэлл-Смита. Можно сказать, его двойник. Такие вещи случаются, хотя и редко. Должно быть, я попала в какую-то странную внутреннюю реальность после того, как увидела девочку, напомнившую мне о Хлое. Это все объясняет.

Пока я стояла на холодной бетонной лестнице, где воняло мочой, мой телефон зазвонил. Я достала его из сумочки и посмотрела на экран.

Незнакомый номер.

Я приняла вызов дрожащим пальцем и приложила телефон к уху.

– Алло?

В трубке послышался шум статики.

– Элли… алло! Ты… ты меня слышишь?

Я заморгала, испытывая слабость в ногах. Выглянула через крошечное окошко на лестнице, как будто автомобиль мог все еще находиться на улице. Но там ничего не было. Я находилась в полном смятении.

– Ты слышишь, Элли? Это Мартин. Я набрал правильный номер?

– А, я… да. Да, это Элли. Э-ээ, ты можешь секундочку подождать? Просто я… в магазине, оплачиваю покупки, – я прижала телефон к пальто, приглушив звук, и немного подождала, собираясь с силами, пытаясь привести мысли в порядок и надеясь, что мой голос будет звучать нормально. Потом снова приложила телефон к уху. – Прошу прощения.

– Прежде чем ты что-то скажешь, Элли, я хочу сказать: мне очень жаль, что я до сих пор не мог ответить на твои звонки. У меня стащили телефон в аэропорту Хитроу – где-то между закусочной, баром и самолетом. Там были твои контакты. Мне пришлось подождать, пока я не вернулся домой и не смог перезагрузить историю звонков и другую контактную информацию.

– Где… – Мой голос пресекся. Я распахнула дверь и снова посмотрела на нижний уровень подземной парковки. Место, где стоял оранжевый «субару», оставалось пустым. Мои мысли разбегались в разные стороны. Я кашлянула и спросила: – Где ты?

– Аэропорт Сиэтл-Такома. Скоро начинается посадка на рейс до Ванкувера. С тех пор, как мы встретились, я совершенно закрутился среди деловых совещаний. Я скучаю по тебе.

Я моргнула.

– Я… это так странно.

– Что странно?

– Мне показалось, я только что видела тебя.

– Где?

– Здесь, в Ванкувере. В центре города.

Он добродушно рассмеялся. Все в Мартине как будто излучало добродушие. Уже знакомое чувство влечения и приязни клубочком свернулось во мне.

– Должно быть, у меня есть двойник. Через несколько часов мой самолет приземлится в Ванкувере. Я пробуду там два дня. Можно ли будет встретиться с тобой завтра вечером, Эль? Может быть, за ужином? Я знаю особенное местечко в Дип-Коув. На этот раз мне хотелось бы провести с тобой побольше времени.

– Я… мне это нравится.

Мы договорились встретиться в ресторане, а потом он положил трубку. Все еще ошеломленная, я стояла на вонючей и холодной лестнице, пытаясь сгруппироваться. Слова моего предыдущего психотерапевта эхом отдавались в моей голове.

«Мы идем по жизни слепыми, глухими и непонимающими, поэтому истории, которые мы себе рассказываем, складываются из нашего искаженного восприятия. Мы заполняем бессмысленные пробелы, потому что хотим во что-то поверить».

Так оно и было. Мне так не терпелось увидеть Мартина, что я поверила в обман.

Раньше
Элли

22 января, более двух лет назад.

Ванкувер, Британская Колумбия

– Боже мой, Эль, ты отлично выглядишь. Еще лучше, чем я помню!

– А ты… ты был на солнце. Откуда этот загар?

Я узнала Мартина в тот момент, когда увидела его сидящим за столиком у окна и поняла, что это не тот Мартин, которого я видела вчера. Двойник не имел такого загара, и у него были длинные волосы. Лицо Мартина было бронзовым от южного солнца, и он носил короткую стрижку. Он выглядел замечательно. Все мои внутренние сомнения испарились, когда он встал и поцеловал меня в губы.

– Испания, – сказал он, наливая вино в мой бокал. – Пять дней на яхте в Марбелье.

Он широко улыбнулся, блеснув белыми зубами на загорелом лице.

– Даже зимой в Средиземноморье бывает потрясающая погода, – он поставил бутылку в ведерко со льдом. – Надеюсь, тебе понравится. «Пино гри» «Слокан-Хиллс»; это маленький виноградник в…

– Знаю, в Оканагане. Кстати, это одно из моих любимых вин.

Последний раз я пила это вино за счет моего отца в баре «Маллард». Две бутылки за один присест.

– В таком случае, я горячо одобряю твой вкус, – он поднял свой бокал. – За встречу! Я рад, что ты смогла приехать, Элли. Рад, что ты не поставила на мне крест.

– Я тоже рада, – мы чокнулись. – Эта поездка в Марбелью была для отдыха или для бизнеса?

Я отпила глоток и почувствовала, как восхитительное тепло растекается в груди.

– Для бизнеса. Тем не менее мне удалось заниматься делами на яхте моего друга. Испанский финансист готов поддержать мой проект строительства речного вокзала в Новом Южном Уэльсе. Теперь пора переходить от слов к делу.

– Мои поздравления.

– Я знал, что так и будет, но тем больше причин отметить это!

Я раскрыла меню, но Мартин накрыл мою руку ладонью.

– Я уже сделал заказ.

– Какой?

Он улыбнулся.

– Мы сможем изменить его, если захочешь, но я заказал буйабес[9] для нас обоих. Это местное фирменное блюдо, и я хочу, чтобы ты его попробовала, Элли, – он сделал паузу. – Кроме того, у меня есть причина.

Я почувствовала смутное беспокойство.

– Что за причина?

Он лукаво улыбнулся.

[9] Буйабес – французский суп из свежей рыбы и морепродуктов (прим. пер.).

– Об этом потом; сначала мы поедим. Если блюдо тебе не понравится, придется выбрать другую стратегию.

Я поставила бокал на стол.

– В сущности, у меня тоже есть причина для желания встретиться с тобой, – я достала маленькую коробочку и положила ее на стол между нами.

В его взгляде мелькнула озабоченность.

– Открой ее, – предложила я.

Мартин открыл коробочку. Его золотая запонка переливалась в мерцающем свете свечи. Он поднял голову и встретился с моим взглядом.

– Ты уронил ее в лифте, поэтому я и позвонила тебе. Я хотела, чтобы ты знал, что она у меня, – на тот случай, если это памятная вещь для тебя.

Он вынул запонку.

– Спасибо. Но я надеялся, что ты позвонишь, потому что…

– Рано утром в понедельник я пришла в отель, чтобы вернуть ее тебе, – быстро добавила я, чтобы не спасовать перед ним.

Он пристально посмотрел на меня. Я внимательно наблюдала за его лицом.

– Тебя там не было, Мартин. Ты не зарегистрировался в отеле.

Он слегка прищурился.

– Вот как? Ты уверена?

– Абсолютно уверена.

Когда мой тон изменился, он плотно сжал губы.

– Вероятно, Гертруда зарегистрировала нас от лица моей компании.

– Гертруда? – я почувствовала, что краснею.

– Моя личная ассистентка, – он как-то странно посмотрел на меня. – Все в порядке, Элли?

Я опустила глаза и повертела бокал в руке, чувствуя себя идиоткой.

– Она… то есть, Гертруда сопровождает тебя в твоих поездках?

– Иногда, в зависимости от поездки. Она сопровождала меня в Ванкувере; я нуждался в ее содействии для разных поручений, в том числе для развлечения жены испанского инвестора. Это оказалось весьма полезно – в Марбелье я плавал на его яхте.

– Ах… это хорошо, – я кашлянула и отвернулась. Мне не хотелось рассказывать ему, что я пыталась допросить еще и дежурного из бара «Маллард». Но это объясняло, почему бармен Рок мог видеть там Мартина вместе с этой женщиной.

Появление официанта избавило меня от дальнейшего замешательства. Он поставил на стол две тарелки с горячим буйабесом, две розетки с соусом руйе[10] и ломтики хрустящего хлеба, поджаренного на гриле. Когда он ушел, Мартин взял коробочку с запонкой и убрал ее в карман.

– Может быть, я специально уронил ее.

– Прошу прощения?

Он изогнул светлую бровь.

– Может быть, я обронил запонку, как хрустальную туфельку на балу, в надежде, что ты вернешься и найдешь меня.

Я рассмеялась – наверное, слишком громко, – но облегчение сделало меня беззаботной.

Буйабес был сказочно вкусным. Мы заказали еще вина и побеседовали о живописи: о художественных галереях, которые он посещал в Европе, и о картинах, которые ему нравились. Он показал мне фотографию картины, недавно купленной для его офиса в Торонто, где она была повешена с наиболее выгодным углом освещения, и я узнала интерьер этого офиса со скриншота, все еще хранившегося в моем телефоне. Мне понравилось, что Мартин разделял

[10] Соус руйе состоит из майонеза с чесночным экстрактом, красным перцем и шафраном (прим. пер.).

мою страсть к живописи и мог поддержать разговор на эту тему; Дуг никогда не проявлял интереса к этому.

Когда принесли кофе и десерт, Мартин сказал:

– Я все рассказал тебе о моей семье, но очень мало знаю о твоей семье, Эль. Когда я упомянул о том, что разочаровал моего отца, ты сказала, что понимаешь, и как будто была уверена в этом.

Я колебалась. События всегда начинали развиваться по непредсказуемой траектории, когда люди узнавали, что я была дочерью Стерлинга Хартли, которой предстояло унаследовать миллиарды долларов. Возможно, я слишком долго ждала, прежде чем рассказать Мартину, и теперь опасалась, что это будет выглядеть неприлично. Так или иначе, после некоторого раздумья я решила сначала рассказать о моей матери.

– Она умерла, когда мне было девять лет, – я отпила глоток эспрессо. – Она была алкоголичкой и злоупотребляла рецептурными препаратами. В итоге она покончила с собой.

Его ложка с десертом остановилась в воздухе. Я что-то прочитала в его взгляде… Беспокойство. Я пугала его. Возможно, он гадал, унаследовала ли я гены психопатического поведения. Может быть, и так. Разумеется, сейчас я не собиралась говорить ему, что сама страдала от клинической депрессии и на несколько месяцев погрузилась в кромешный туман из медикаментов и алкоголя после того, как утонула Хлоя. И что меня несколько раз госпитализировали из-за проблем с психикой. Я также понимала, что стоит мне упомянуть имя моего отца, как он может вспомнить все, что ему приходилось читать в газетах о дочери Стерлинга Хартли.

– Мне жаль, Элли, очень жаль.

– Это было давно.

– Когда испытываешь такие вещи в раннем возрасте, они остаются жить в тебе. Я знаю.

Я кивнула, ощущая внутреннюю связь с ним. Он накрыл мою руку ладонью.

– А что твой отец? Он снова женился?

– Сомневаюсь, что это когда-то произойдет. Он вечный Питер Пэн – Стерлинг Хартли.

Мартин молча уставился на меня, потом тихо выругался.

– Конференция «Агора»… ты не упоминала о нем, когда я сказал, ради чего приехал в «Хартли Плаза». Боже мой, этот отель назван в честь твоего отца, и ты не упомянула об этом? – он рассердился. В его голосе зазвучали резкие нотки. – Почему?

– Потому что тогда мы только что познакомились, Мартин. Ты мне понравился, и я хотела, чтобы ты узнал меня как человека, а не как дочь моего отца. Если и была какая-то возможность, что мы встретимся снова, я хотела, чтобы это было из-за твоего расположения *ко мне*. Когда люди узнают, что я его дочь… то все изменяется. Как сейчас.

– Господи, – он отодвинулся и жадно схватил свой бокал. Теперь он рассматривал меня словно какой-то лабораторный образец в чашке Петри. Я почти видела, как работает его мозг, складывая воедино разные фрагменты.

– Мне жаль, но… пожалуйста, Мартин, не дай этому разрушить всё, что было между нами. Хорошо?

Его черты оставались непроницаемыми, а потом он вдруг широко улыбнулся и рассмеялся. Он смеялся громко и долго.

– У меня был секс с ребенком Стерлинга Хартли в лифте его отеля, – выдавил он между приступами хохота. – Просто не могу поверить!

– С его *ребенком*? – Я бросила салфетку на стол. – Мне пора идти.

– Нет… нет, Эль. Постой, не уходи, – он вытер глаза. – Слушай, мне это нравится. Прошу прощения за мой французский, но твой папаша – первоклассный говнюк, социопат с глубоко развитым нарциссизмом. Покажите мне газету, журнал или пост в Twitter, где не говорится об этих вещах в связи с надменным миллиардером Стерлингом Хартли. Все эти многообещающие карьеристы на конференции «Агора» знают это, но помалкивают и никогда не скажут это ему

в лицо. А все потому, что при этом он еще и богатый ублюдок, окруженный магией богатства и имеющий достаточно денег, чтобы делать других богачами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.